

АРТУР КОНАН ДОЙЛ

**ЗАТЕРЯННЫЙ МИР
ОТРАВЛЕННЫЙ ПОЯС**

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПРОФЕССОРА ЧЕЛПЕНДЖЕРА

СЕДЬМАЯ КНИГА

Профессор Челленджер

Артур Конан Дойл

Затерянный мир (сборник)

«Седьмая книга»

1912

Дойл А.

Затерянный мир (сборник) / А. Дойл — «Седьмая книга»,
1912 — (Профессор Челленджер)

Экстравагантный профессор Челленджер и падкий на сенсации репортер Эдвард Мелоун загораются идеей организовать экспедицию в Африку. Ее цель – подтвердить или опровергнуть утверждения Челленджера о том, что в самом сердце черного континента еще сохранились гигантские доисторические животные. Но экспедиция, начинавшаяся как курьез, оборачивается нешуточной борьбой за выживание. Герои должны оставить в прошлом свои разногласия и распри, чтобы просто выжить и суметь вернуться домой... В сборник включены романы «Затерянный мир и «Отравленный пояс».

© Дойл А., 1912

© Седьмая книга, 1912

Содержание

Затерянный мир	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	30
Глава 6	40
Глава 7	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Артур Конан Дойл Затерянный мир (сборник)

Затерянный мир

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Глава 1

«В жизни всегда есть место подвигу»

Трудно представить себе человека, более бестактного, чем отец моей Глэдис. Господин Хангертон, чем-то напоминавший взъерошенного какаду, по сути, представлял собой натуру беззлобную, но крайне эгоцентричную. Если бы в природе существовала сила, способная заставить меня отказаться от намерения жениться на Глэдис, то, скорее всего эта была бы мысль о том, что после женитьбы мне придется иметь дело с таким тестем. Похоже, он искренне верил в то, что три раза в неделю я приезжаю в Честнатс лишь для того, чтобы пообщаться с ним, и особенно узнать его мысли о пробах драгоценных металлов, – в этом вопросе он, несомненно, был очень силен.

Однажды вечером вот уже битый час я терпеливо выслушивал его монотонные причитания о нечистых деньгах, наживаемых на вполне законных операциях, о неверно установленном номинале на серебряные монеты, о падении рупии. Он называл цифры, выражавшие, по его мнению, истинный обменный курс.

– Если вдруг... он патетически возвысил голос. – Если вдруг все клиенты на земном шаре одновременно потребуют в банках свои вклады, то при нынешнем «кривом» соотношении валют, что произойдет?

Я ответил, что, разумеется, в этом случае я полностью разорюсь. Тогда он, словно спохватившись, что затеял серьезный разговор с несерьезным человеком, вскочил со стула и, в очередной раз, упрекнув меня в легкомыслии, убежал в соседнюю комнату переодеваться на встречу членов масонской ложи.

Наконец мы с Глэдис остались наедине. Весь вечер я с нетерпением ждал этой минуты. Так солдат ждет сигнала для атаки, которая принесет ему либо славу, либо гибель.

Она восседала, горделиво приподняв подбородок. Красные оконные занавески служили фоном для ее благородного, словно выточенного из слоновой кости, профиля. Как же она была хороша! И вместе с тем, как далека; словно звезда, или неведомый затерянный мир на еще не открытой планете. Мы были друзьями, очень хорошими друзьями, но не больше. Наши отношения с Глэдис по сути не отличались от дружбы с одним парнем; он, как и я, журналист, специализировавшийся на хронике текущих событий, служил в «Вечерней газете». Мы с ним прекрасно ладили, понимали друг друга с полуслова, выручали, обмениваясь материалами – словом, были один другому нужны. Эта нужда, разумеется, не имела никакой чувственной подоплеки. Однако подобная стерильная идиллия в отношениях с Глэдис меня совершенно не устраивала. Моя мужская гордость бунтовала против женской независимости и чрезмерной искренности. Они не делают чести мужчине. Там, где между мужчиной и женщиной вступают в силу настоящие, не бесполое чувства, обязательно найдется место и застенчивости и недоверию, хотя сегодня они скорее лишь отголоски далекого прошлого, когда любовь и насилие ходили рука об руку. Нет, не бесстрашный взор, не уверенные, твердые слова, а опущенная голова, взгляды украдкой, срывающийся голос, вздрагивающее лицо являются признаками настоящего чувства. За свою пока короткую жизнь я успел это то ли усвоить из опыта, то ли ощутить в себе как переданный из поколения в поколение инстинкт.

Глэдис была исполнена всеми женскими добродетелями. На первый взгляд она могла показаться сухой и холодной. Но право же, это совсем неверно. Ее смуглая, как у красавиц Востока, кожа; волосы цвета воронова крыла; огромные влажные глаза; пухлые, но изящно оформленные губы свидетельствовали о дремлющей в ней страстной натуре. К сожалению, до нынешнего времени, мне не удавалось хотя бы немного ее пробудить.

И вот сегодня я, наконец, решил во что бы то ни стало перевести наши отношения на верную стезю. Возможно, я получу отказ. Но лучше уж быть отвергнутым любовником, чем

признанным братцем. Таким образом, размышляя, я уже раскрыл было рот, но она, горделиво качнув головой и с мягким укором улыбнувшись, заговорила первой...

– Кажется, Нед, вы собираетесь мне сделать предложение. Я хочу попросить вас воздержаться. Все не так просто, как вам кажется.

Я придвинул свой стул к ней поближе.

– Как вы угадали, что я собираюсь сделать? – спросил я, не скрывая удивления.

– Женщины всегда это знают. Неужели вы думаете, что их можно заставить врасплох? Но милый Нэд, мы так замечательно с вами дружим. Зачем же все портить? Разве не чудесно, что молодой человек и девушка могут так хорошо, так бескорыстно дружить, так начистоту беседовать, как мы с вами?

– Не знаю, Глэдис, понимаете, я могу начистоту беседовать, например, с начальником железнодорожной станции. Удивительно, когда мы с ним встречаемся, то почему-то оба сразу начинаем смеяться. Но такие отношения совершенно не годятся для нас с вами. Я хочу вас обнять, хочу, чтобы ваша голова прижалась к моей груди, о, Глэдис, я хочу...

Она вскочила со стула, так как заметила во мне поползновения претворить мои желания в жизнь.

– Вы все испортили, Нэд, сказала она. Так все было красиво и естественно до этого момента. Как жаль. Неужели вы не способны держать себя в руках?

– Но ведь не я это придумал, взмолился я. Это – природа, это – любовь!

– Может быть... если бы... если бы любили мы оба, вы были бы правы. Но я никогда не испытывала этого чувства.

– Но вы должны..., вы с вашей красотой, с вашей душой. О, Глэдис, вы просто созданы для любви.

– Значит нужно ждать, пока она придет.

– Но почему вы не можете меня полюбить, Глэдис? Что вам во мне не нравится? Внешность? Или что-нибудь другое?

Она как будто немного смягчилась. Грациозно вытянув ладонь, запрокинула мое лицо кверху и, глядя в глаза, мечтательно улыбнулась.

– Нет, вовсе не это, – произнесла она наконец. – Вы – не заносчивы, и потому я могу без опасения говорить с вами откровенно. Дело не во внешности. Все гораздо сложнее.

– Что же тогда? Мой характер?

Приобретя строгое выражение она кивнула.

– Но что я должен сделать, чтобы его исправить? Да сядьте же и скажите все, как есть.

Она недоверчиво посмотрела, словно просвечивая меня рентгеном, и после некоторого колебания все-таки присела, впрочем, будучи готовой в любой момент снова вскочить. Во всяком случае, так мне показалось.

– Ну, и что же вас во мне не устраивает?

– Я люблю другого.

Теперь настал мой черед подпрыгнуть на стуле.

– Нет, нет. Вы не поняли. Речь не идет о ком-то конкретно.

Пояснила она свою мысль. Моя внезапная растерянность ее явно обрадовала.

– Я просто говорю о моем идеале.

– Ах, идеал? В таком случае... расскажите мне о нем. Каким он должен быть?

– Внешне он очень походит на вас.

– Так, так. Это уже обнадеживает. Ну и дальше. Что он умеет, на что способен, или, точнее, чего не умею я из того, на что способен он? Он кристальный трезвенник, вегетарианец, воздухоплаватель, теософ, сверхчеловек. Я готов сделаться кем угодно, Глэдис, вы только не лишайте меня надежды.

Она улыбнулась, явно подтрунивая над моей податливостью.

– Во-первых, мой идеал никогда не будет говорить ничего подобного тому, что сейчас сказали вы. У него более твердый мужской характер, и он не стал бы потакать прихотям капризной девчонки. Он человек настоящего дела и отважных поступков. Он сможет, если понадобится, бесстрашно взглянуть в лицо самой смерти; он – человек, способный на подвиг, с душой романтика – первопроходца. Вот такого я смогла бы полюбить. Точнее, не его самого, а тот благородный образ, который он благодаря своим поступкам приобретет в глазах общества. Ведь если я буду женой героя, то отблески ореола его славы воссияют и на мне. Взять к примеру Ричарда Бертона. Когда я прочитала о нем книгу, написанную его женой, я поняла, за что она его любит, или леди Стейнли. Как замечательна в ее мемуарах последняя глава, посвященная ее мужу. Вы не читали? Вот таких мужчин жены любят беззаветно, они на них просто молятся. А оттого, что, кроме жены, героя чтит и обожает весь мир, ее любовь только усиливается.

Она была так прекрасна, с таким неподдельным энтузиазмом развивала свою теорию, что мне стоило немало труда ей все-таки возразить.

– Но мы не можем все быть Стейнли и Бертонами, – сказал я. – У нас нет такой возможности. По крайней мере, у меня. Однако, если бы подвернулся случай, думаю, я бы не сплеховал.

– В жизни всегда есть место подвигу. Все зависит только от самого человека. Оглянитесь. Присмотритесь получше. Кругом столько возможностей проявить героизм. Именно в этом, смысл жизни настоящего мужчины. А женщина должна беречь для него свою любовь как главную награду. Вот, к примеру, этот молодой француз, который на прошлой неделе отправился в путешествие на воздушном шаре. Накануне предсказали ураган. Но он не отменил полета, потому что о нем уже было объявлено. За сутки ветер унес его на полторы тысячи миль на северо-восток, и он приземлился где-то, в центре России. Вот это мужчина! А теперь подумайте о его счастливой возлюбленной и о том, как другие женщины ей завидуют. Я тоже хочу, чтобы мне завидовали, потому что мой муж герой.

– Чтобы вам угодить, я готов совершить любой подвиг.

– Но недостаточно совершить геройский поступок лишь для того, чтобы порадовать меня. Вы должны стать героем, прежде всего, потому, что не можете быть другим. Совершать подвиги для вас должно сделаться естественной потребностью, как есть, пить, дышать. Для настоящего мужчины, дремлющего в вашей душе, необходимо героическое самовыявление. Неужели вы сами этого не чувствуете? Вот недавно в газете был напечатан ваш очерк о взрыве на угольной шахте в Вигане. Разве сами вы, невзирая на опасность обвалов, на удушливый газ не могли спуститься под землю, чтобы оказать помощь пострадавшим шахтерам?

– Я спускался в шахту.

– Да? Почему вы мне об этом не говорили?

– Зачем об этом рассказывать?

– А я не знала, – она посмотрела на меня с одобрением. – Вы совершили поступок достойный мужчины.

– Я должен был спуститься в шахту. Если хочешь составить дельный репортаж, нужно обязательно самому побывать на месте происшествия.

– Жаль, что вами управляли столь прозаические мотивы. Из-за этого пропадает вся романтика вашего подвига. Все равно, какова бы ни была причина, я очень рада за вас, что вы это сделали.

Она протянула мне руку с таким достоинством и деликатностью, что мне ничего другого не оставалось, как склонив голову, галантно ее поцеловать.

– Наверное, я кажусь просто неразумной девушкой, обуянной нелепыми девичьими устремлениями. Тем не менее, я не способна думать иначе, и если мне суждено когда-нибудь выйти замуж, то это непременно будет прославленный человек.

– А почему бы и нет? – воскликнул я. – Именно такие женщины, как вы, способны вдохновить мужчину. Дайте мне только небольшой срок. Нужен лишь подходящий случай, и вот

увидите, на что я способен. Вы сказали: «все зависит от самого человека». Я не буду дожидаться случая, я его найду. Как отважный Клайв. Кем он был? Простым чиновником. А сегодня он прославленный покоритель Индии. Клянусь Святым Георгием, я еще, кое-что сделаю в этом мире!

Она весело рассмеялась, увидев во мне внезапную вспышку ирландского темперамента.

– А почему бы и нет? – повторила она мою фразу. – У вас все козыри на руках: молодость, здоровье, сила, образование, неистраченная энергия. Поначалу ваши слова мне не нравились, но теперь я рада и даже горда за вас и за себя, потому что мне удалось разбудить в вас достойные устремления.

– А если я совершу...

Ее ладонь, как теплый бархат, прикрыла мне рот.

– Не надо больше слов, дорогой сэр. Вы должны были явиться в редакцию полчаса тому назад. Я просто постеснялась вам вовремя напомнить. Когда-нибудь, когда вы займете свое место под солнцем, мы продолжим наш разговор.

Несколько минут спустя я с горящим сердцем и неистовым желанием немедленно, не упуская ни одного дня, найти для себя настоящее дело, достойное моей леди, катил в трамвае по туманному ноябрьскому Кэмбервеллу. Никто на свете в тот момент не мог себе вообразить невероятный, даже какой-то сверхъестественной формы этого предстоящего дела и того несуразного способа, благодаря которому мне было суждено к этому делу приобщиться.

Возможно, эта вступительная глава покажется читателю не имеющей ничего общего с повествованием в целом. Тем не менее, без нее невозможно понять происходившее в дальнейшем, потому что только тогда, когда человек бросается в мир чрезвычайных ситуаций, для разрешения которых необходим подлинный героизм, когда он всем сердцем стремится получить главную роль в делах, требующих беспредельного великодушия и отваги, только тогда он способен порвать с привычной благополучной повседневностью и с головой окунуться в таинственную пучину неведомого мира, где его ждут великие приключения и великая награда.

Что же собственно происходило со мной в эти минуты, если взглянуть на все со стороны.

Я был начинающим, пока ничем не примечательным корреспондентом «Вечерней газеты» и при этом надеялся в несколько часов раздобыть и обработать по-настоящему сенсационный материал, который меня бы прославил и сделал достойным Глэдис. Чем можно объяснить ее непомерные ко мне требования: жестокостью ее натуры, эгоизмом или просто глупостью, из-за которых она подстрекала меня рисковать жизнью? Как бы там ни было, такую оценку мог бы дать человек зрелый, а мне в ту пору было только двадцать три, и к тому же я был по уши влюблен.

Глава 2

«Попытайте удачи у профессора Челленджера»

Мне всегда нравился Мак-Ардл, ворчливый, сутулый, рыжеволосый редактор отдела новостей. Думаю, что наши симпатии были взаимны.

Собственно возглавлял отдел Бомонт. Но тот пребывал в, так сказать, разреженной атмосфере, на олимпийской высоте своего положения, откуда ему было неудобно снисходить к событиям, менее значительным, чем, скажем, международный конфликт, или раскол в составе кабинета министров. Иногда нам доводилось наблюдать его, в величественном одиночестве шествовавшего в свою служебную резиденцию. Обычно на лице у него блуждала рассеянная мина, означавшая, что мысли его витали где-то на Балканах, или в Персидском заливе. Он пребывал над нами и вне нас. Мак-Ардл же был его правой рукой, и делом заправлял именно он.

Когда я вошел в кабинет, старик мне кивнул и привычным жестом закинул очки на лысину.

– Ну, дорогой Мелоун, судя по тому, что я узнаю о вас в последнее время, вы отлично справляетесь с работой, – произнес он со своим очаровательным шотландским акцентом. Я скромно поблагодарил.

– «Взрыв на шахте» вам удался на славу. Кстати и «Пожар в Саутворке» – не хуже. У вас есть репортерская хватка. Так с чем же вы ко мне пожаловали?

– У меня к вам просьба, господин Мак-Ардл.

На лице старика промелькнула озабоченность.

– Так, так. Какая же просьба?

– Не могли бы вы, сэр, отправить меня на специальное задание для нашей газеты. Я постараюсь исполнить его как можно лучше и принести вам хороший репортаж.

– Какого рода задание хотели бы вы получить, господин Мелоун?

– Я хотел бы, чтобы меня отправили туда, где есть риск и опасность. Именно это мне нужно. Чем опаснее, тем лучше.

– Похоже, вам захотелось расстаться с жизнью!

– Напротив, я хочу доказать, что живу на свете не зря!

– Дорогой мой Мелоун. Ваши слова звучат благородно и возвышенно, но боюсь, что по нынешним временам они несколько устарели. К сожалению, наши потери от подобных специальных заданий, как правило, превосходят приобретения, говоря попросту, они не рентабельны. К тому же в горячие точки лучше отправлять опытного журналиста с именем, способного привлечь массы, человека, которому все согласятся поверить. На географических картах уже не осталось белых пятен. Все земли и воды давно открыты. Так что с романтикой, прямо скажу, сегодня дело обстоит паршиво..., впрочем погодите, – прибавил он, будто запнувшись. – Географическая тема вдруг натолкнула меня на мысль. Как бы вы отнеслись к идее разоблачить в печати современного Мюнхгаузена? Вы представите читающей публике талантливого лжеца во всей его красе и в заключение с блеском его развенчаете. Ну как? Вас это устраивает?

– Я готов на все.

Мак-Ардл некоторое время раздумывал.

– Впрочем, я весьма сомневаюсь в том, что вам удастся его дружески к себе расположить. Да что там «дружески». Скорее всего, он вообще с вами не захочет говорить. Тем не менее, в вас я заметил способность ладить с людьми, что-то вроде внутреннего обаяния, или как сейчас модно называть биологического магнетизма. Может быть, это просто привлекательность юности, или что-нибудь вроде того.

– Вы очень добры, сэр.

– В таком случае, почему бы вам не попытать удачи у профессора Челленджера, что живет на Энмор Парк.

Услышав это имя я, я, признаться, вздрогнул.

– Челленджер? – воскликнул я. – Профессор Челленджер, известный зоолог! Тот самый, что недавно разбил голову Бланделлу из «Дейли Телеграф»?

Мрачно улыбнувшись, старик утвердительно кивнул.

– Что не нравится? Вы, ведь, сами просили, чтобы я вам подыскал дело поопаснее! Наверное, инцидент произошел на профессиональной почве?

– Именно, так. Не думаю, чтобы он во всех обстоятельствах вел себя, как вандал. Видимо Бланделл застал его в неподходящий момент, или в общении с ним допустил какую-нибудь бестактность. Может быть, вы окажетесь счастливее, и вам удастся его укротить настолько, что он заговорит, а уж мы в газете сумеем все обработать и преподнести в лучшем виде.

– Я, по правде говоря, о нем ничего не знаю. Его имя мне известно лишь из протоколов судебной процедуры по делу о рукоприкладстве в связи с этим злосчастным Бланделлом.

– У меня кое-что имеется, господин Мелоун. Я уже некоторое время наблюдаю за этим джентльменом.

Он открыл ящик стола, и в нем немного порывшись, вытащил листок.

– Здесь говорится вкратце: «Челленджер, Джордж Эдвард. Родился в Лардже (Северная Британия) в 1863 году. Образование: начальная школа и колледж в Лардже. Университет в Эдинбурге. С 1892 года штатный сотрудник Британского музея. С 1893 года главный хранитель отдела сравнительной антропологии. В 1894 году в результате чьего-то письменного доноса был уволен. Кавалер медали Крейстона за научные достижения в зоологии. Почетный член международных научных ассоциаций. – Здесь идут два абзаца уборым шрифтом. Так: – Бельгийское общество натуралистов, Американская Академия Наук, Ла Плата... и т. д. и т. п. Экс-президент палеонтологического общества (группа «h») Британский филиал международного... и все в таком духе.

Печатные труды:

«Некоторые результаты изучения черепов древних калмыков».

«Характерные черты эволюции позвоночных», и множество отдельных научных статей в газетах и журналах, как например: «Главный изъян теории Вейсмана». В свое время этот очерк послужил причиной бурной дискуссии на венском зоологическом конгрессе. Увлечения: прогулки пешком, альпинизм (спортсмен, как видите). Домашний адрес: Энмор Парк, Кенсингтон». Можете это взять. Больше ничем вам помочь не могу.

Я положил листок в карман.

– С вашего позволения, еще один вопрос, сэр, – сказал я, увидев перед собой вместо красноватого лица розовую лысину. – Пока мне не вполне ясно, на какой предмет я должен брать интервью у этого господина. Что он собственно сделал?

Передо мной опять появилось лицо.

– Два года назад он предпринял одиночную экспедицию в Южную Америку. Вернулся в прошлом году. То, что он побывал в Южной Америке, несомненно, но он почему-то не называет точного места. Он уже, было, начал рассказывать о своих необыкновенных наблюдениях, но кто-то из слушателей, не поверив, попытался его поднять на смех, после чего Челленджер замкнулся в себе, как рак-отшельник в раковине. Либо с ним действительно произошло что-то из ряда вон выходящее, либо этот субъект талантливый мистификатор. Кстати, второе более вероятно. В подтверждение своих слов он иногда приводит несколько уникальных, немного поврежденных, фотоснимков. Разумеется, если они не подделка. Последнее время Челленджер стал настолько уязвимым и раздражительным, что нередко бросается на людей с кулаками, если те рискнут расспрашивать его о Южной Америке, а несколько журналистов спустил с лестницы. Скорее всего, он попросту агрессивный психопат с, так сказать, научным уклоном. Вот

такая личность, дорогой Мелоун. Словом, поезжайте и попробуйте сами во всем разобраться. Вы уже достаточно взрослый, чтобы постоять за себя. К тому же вы находитесь под защитой закона о неприкосновенности личности журналиста.

Красное, грустно улыбающееся лицо опять сменилось розовой, окаймленной рыжими прядями, лысиной. Аудиенция завершилась, и я, выйдя из редакции, пешком направился в клуб «Дикарь»; перед тем как туда войти остановился у чугунного кружева берегового парашюта над Адельфи и в задумчивости принялся глядеть на мутную, маслянистую речушку. На свежем воздухе легче собраться с мыслями. Вытащив листок, я при свете фонаря внимательно прочитал отпечатанный текст. Все, что в последние минуты стало мне известно об удивительном профессоре, лишь больше меня раззадорило. Я понимал, что как у журналиста у меня практически нет шансов установить контакт с человеком с настолько вздорным характером. Но столь же очевидно было и то, что проявления его «ненормальности» в первую очередь свидетельствовали о нем как о беззаветном истинном энтузиасте науки. Значит, в его душе существуют клавиши, нажав на которые можно его вытянуть на откровенность.

Я вошел в клуб. Было одиннадцать вечера. В этот час в большой комнате всегда много народу. Хотя самый пик еще не наступил. Заметив сидящего у камина высокого, худого, угловатого человека, я подвинул свой стул поближе к нему. Он обернулся. Из всех, находившихся в клубе. Я выбрал его. Трап Генри в газете заведовал отделом природоведения. Худой, сухощавый (кожа да кости) молодой человек представлял, что называется, воплощение дружелюбия. Я начал с места в карьер.

– Что вы знаете о профессоре Челленджере?

– Челленджере..., он поморщился, выражая профессиональное неодобрение. – Челленджер, если не ошибаюсь, тот самый, с позволения сказать, ученый, который пытается ввести научный мир в заблуждение небылицами, якобы имеющими место в Южной Америке.

– А что это за небылицы.

– Ах, это совершенная чепуха о каких-то диких животных, которые он будто бы там обнаружил. Впрочем, кажется, он уже отказался от своих заявлений. Во всяком случае, сейчас на сей предмет помалкивает. Как-то он дал интервью в Рейтер, чем вызвал в среде ученых критиков немыслимую бурю. После этого случая он понял, что с данным материалом не сможет пробиться, так как ему никто не верит. Правда, нашлось несколько человек, отважившихся принять его сообщения всерьез, но он сам принудил их эту тему не развивать.

– Каким образом?

– Очень просто. Неприкрытым хамством и из ряда вон выходящими манерами. Первым пострадал бедный старый Уэдди из института зоологии. Он отправил профессору приглашение. Там говорилось приблизительно так:

«Директор научно-исследовательского института зоологии выражает свое почтение профессору Челленджеру и будет искренне рад, если тот окажет ему честь своим присутствием на предстоящем симпозиуме». Ответ был нецензурным.

– Неужели?

– Да. Если смягчить отдельные обороты, то письмо гласило:

«Профессор Челленджер выражает свое почтение директору научно-исследовательского института зоологии и будет искренне рад, если тот пойдет в задницу».

– Боже милостивый!

– Вот так. Я помню, как бедный Уэдди, председательствуя на симпозиуме, утирал платком слезы. Еще бы, за пятьдесят лет научной деятельности с подобным он столкнулся впервые.

– А что-нибудь еще вы знаете?

– Видите ли, я, как вам известно, бактериолог, существую в мире, так сказать, тысячекратного увеличения, привык взирать на предметы в окуляр микроскопа, и поэтому мне трудно разобраться в вещах и явлениях, когда смотрю на них невооруженным глазом. Я своего рода

караульный страж на гранях познаваемого, и когда порой мне приходится покидать свой кабинет и входить в контакт со всеми вами, такими массивными, громоздкими, грубыми созданиями, то, честно говоря, я чувствую себя не в своей тарелке и потому мало что знаю. Но насколько мне приходилось слышать в ученых кулуарах, Челленджер – один из тех людей в науке, с которыми нельзя не считаться. Это живой, парадоксальный интеллект. Неисправимый чудаков. При этом, вспыльчивый, строптивый, напористый энтузиаст, он ради достижения цели не очень выбирает средства. Так, например, чтобы засвидетельствовать невероятную фауну ареала, в который ему, якобы, удалось проникнуть, он подделал несколько фотоснимков.

– Вы говорите он чудаков. А в чем его чудачества проявляются?

– О, у него их тысяча. Но главное касается его взглядов на теорию эволюции Вейсмана. По этому поводу был громкий скандал на конгрессе натуралистов в Вене.

– А вы можете мне вкратце сообщить, в чем суть дела?

– Своими словами я, пожалуй, пересказать не смогу! Но существует стенографический отчет, где зафиксированы все выступления. В моем рабочем столе хранится полная подборка. Если хотите, можете взглянуть.

– Да, да, конечно. Именно об этом я вас и прошу. Мне предстоит брать интервью у Челленджера, и поэтому нужна хоть какая-нибудь зацепка. Я буду вам бесконечно обязан, если, не смотря на позднее время, вы мне позволите сейчас пройти в ваш кабинет.

Полчаса спустя я сидел за письменным столом редактора отдела естествознания «Вечерней газеты». Передо мной лежал увесистый том, раскрытый на странице, где начинался отчет о выступлении на конгрессе профессора Челленджера. Шапка материала гласила:

«Вейсман против Дарвина», а внизу в скобках помещался разъясняющий подзаголовок: *«Решительный протест на конгрессе в Вене».* (Стенограмма выступлений).

Моих научных познаний явно не хватало, чтобы понять суть аргументаций. Бесспорным оставалось лишь то, что английский ученый вел речь в безапелляционной манере, то и дело вызывая возмущение аудитории: «возгласы протеста», «общее возмущение», «требования к президенту конгресса лишить выступавшего слова», – эти строки с первого взгляда бросались в глаза. Большая часть отчета мне казалась необработанной стенограммой.

– Вы не могли бы это расшифровать?

– Перед вами и есть расшифровка.

– Вот так? В таком случае мне лучше заглянуть в оригинал.

Действительно для дилетанта текст представлял «китайскую грамоту». Если бы мне удалось в этой тарабарщине отыскать хоть одну понятную фразу. Ага! Вот, кажется, что-то вразумительное. Надо выписать этот абзац и затем на нем попытаться «подкатиться» к грозному профессору.

– Я могу быть вам в чем-нибудь еще полезным?

– Наверное, да. Понимаете, я намереваюсь обратиться к нему с письмом. Если я обращусь к нему от имени вашего отдела? Это, наверное, придаст делу некоторую солидность.

– Тогда он заявится в редакцию, учинит скандал и переломает здесь мебель.

– Нет, нет. Я покажу вам письмо. Ничего, провоцирующего конфликт, в нем не будет.

– Ну, ладно, попробуйте. Вот бумага, вот ручка. Но прежде, чем письмо будет отправлено, я его должен прочитать.

В поисках подходящих оборотов мне пришлось немного «попотеть». Но когда я закончил, мне показалось, что текст удался. Я торжественно прочитал его бактериологу вслух:

«Уважаемый профессор Челленджер!

К Вам обращается студент факультета естествознания. Я всегда испытывал глубокий интерес к Вашим воззрениям на расхождения между теориями Дарвина и Вейсмана. Недавно мне представился случай освежить память, перечитывая Ваше замечательное...

– Вы, однако, отъявленный лжец, – пробормотал Тарп Генри.

...перечитывая Ваше замечательное сообщение на конгрессе ученых-натуралистов в Вене. Основные его положения несомненно представляют новое слово в науке. Однако в нем есть одно утверждение, а именно:

«Я категорически возражаю против догматического, не выдерживающего никакой критики постулата, что каждая отдельная особь живой природы представляет своего рода микрокосм, планомерно наследующий свои основные характеристики, поэтапно передаваемые из поколения в поколения». Не считаете ли Вы, профессор, что в свете последних открытий в естествознании есть смысл Ваше возражение несколько смягчить? Сегодня оно может показаться чрезмерно категоричным. Я хотел бы с Вами, если не возражаете, ненадолго встретиться. Эта тема меня очень занимает. Я располагаю некоторыми идеями, которыми охотно бы с Вами поделился в живом диалоге. Позвольте мне посетить Вас дома в среду в одиннадцать утра. Примите уверения в моем глубоком к вам почтении!

Искренне ваши

Эдвард Д. Мелон»

– Ну как? – спросил я, гордясь своим эпистолярным красноречием.

– Неплохо, если вас не мучает совесть.

– До нынешнего времени она меня не подводила.

– Но что вы собираетесь делать?

– Пока не знаю. Главное – к нему попасть. Когда буду находиться в его комнате с ним наедине, возможно я нащупаю точку опоры. Может быть, мне повезет, и я смогу его «раскачать» на откровенное интервью. Во всяком случае, если он истинный рыцарь своей идеи, то мое к нему обращение должно, так сказать, приятно пощекотать его профессиональное самолюбие.

– Пощекотать? Как бы он вас не пощекотал. Советую вам, перед тем как к нему идти надеть под пиджак кольчугу, или защитный жилет, из тех, что применяют игроки в американский футбол. Ну что же, будьте здоровы. В среду сюда в редакцию с утренней почтой на ваше имя должен поступить ответ. Если, конечно, профессор удостоит вас ответом. По-моему, для вас было бы лучше, вообще никогда с ним не встречаться и его не знать.

Глава 3

«Он совершенно невозможный человек»

Опасение, а быть может надежда, моего друга не оправдалась. Когда в среду утром я зашел к Тарпу, ответное письмо уже пришло. На нем была марка со штемпелем Западного Кенсингтона. Пониже на конверте почерком, напоминающим колючую проволоку, было написано мое имя.

Внутри конверта содержалось следующее:

«Сэр, я, как и следовало ожидать, получил Ваше послание, в котором вы выступаете в роли защитника моих теоретических идей в естествознании, хотя я не нахожу, что они нуждаются в чьей бы то ни было защите. Говоря о моем отношении к положениям Дарвинизма, вы взяли на себя смелость употребить термин «воззрения». Ставлю Вас в известность, что данное слово в данном контексте неуместно и даже бестактно. Впрочем, если судить по общему содержанию письма, то можно сделать вывод, что Ваша вина не продиктована злым намерением, а есть лишь следствие невежества, или дурного воспитания. А потому я решил на упомянутый факт пока внимания не обращать. Вы цитируете одно вырванное из текста моего сообщения на конгрессе предложение, в котором чего-то не смогли понять. Полагаю, что для существа, наделенного человеческим интеллектом, там не содержится ничего сложного, но если Вам все же требуются дополнительные разъяснения, я готов принять Вас в предложенное Вами время, хотя визиты и визитеры любого рода мне исключительно неприятны. Относительно того, чтобы я смягчил, или каким-либо другим образом изменил формулировки, могу Вас заверить, что это совершенно не в моих правилах, так как прежде, чем что-либо утверждать я достаточно основательно прорабатываю и проверяю каждый термин. Когда придете, покажите конверт от этого письма моему лакею Остину, чтобы он Вас впустил. Он имеет указание оберегать мое жилище от посягательств мерзавцев, именующих себя журналистами.

С совершенным почтением!

Джордж Эдуард Челленджер».

Ответ профессора на мое письмо я прочел вслух Генри Тарпу, пришедшему в редакцию раньше обычного специально, чтобы узнать первые результаты моего рискованного предприятия. Услышав текст, он сделал лишь одно замечание:

– Советую вам захватить в аптеке новое средство, кажется, кутикура, или что-то в этом роде. Говорят, оно лучше останавливает кровотечение, чем известная арника.

Да, уж в чувстве мрачного юмора доброму Генри не откажешь. Когда я получил письмо, было уже без малого половина одиннадцатого, но кэб-такси доставил меня к месту назначения без опоздания. Мы остановились перед весьма импозантным двухэтажным особняком с портиком в стиле позднего барокко. Окна первого этажа, расположенные над землей на высоте по меньшей мере двух человеческих ростов были наглухо зашторены тяжелой дорогой тканью. Венчавшую парадное крыльцо дверь открыл загорелый сухощавый мужчина неопределенного возраста в авиаторской куртке и кожаных гетрах. Позднее я узнал, что по профессии он был шофером с большим стажем. Совмещая при этом функции охранника и работника по хозяйству, он уже несколько лет заполнял брешь, образованную неуживчивыми лакеями, сбегавшими от профессора один за другим. Пристально оглядев меня с головы до ног своими зеленоватыми глазами, он спросил:

– Вам назначено?

– Да, встреча в одиннадцать.

– Покажите письмо.

Я протянул конверт.

– Хорошо. Идите за мной.

Он был немногословен. Когда шли по коридору, меня внезапно остановила появившаяся из боковой двери, судя по гастрономическому аромату, ведущей в столовую, невысокая женщина. Эта взволнованная подвижная темноглазая леди по типу скорее напоминала французенку, чем англичанку.

– Можно вас на минутку, сэр? – сказала она. – Пройдите, пожалуйста, сюда. А вы, Остин, пока подождите. Вы уже когда-нибудь встречались с моим мужем?

– Нет, сударыня, к сожалению не имел чести.

– В таком случае заранее прошу у вас за него прощения. Он – совершенно невозможный человек, совершенно невозможный. Вы должны это знать заведомо. Может быть, в таком случае вам будет легче сделать ему снисхождение.

– Ваше предупреждение – большая любезность, миссис.

– Как только почувствуете, что он начинает раздражаться, немедленно уходите. Не спорьте с ним. Уже несколько человек получили от него телесные повреждения. Потом, конечно, публичный скандал и семейные неприятности, от которых я страдаю больше всех. Скажите, вы, по крайней мере, пришли не по поводу этого его злополучного вояжа в Южную Америку?

– Не смею вводить вас в заблуждение, миссис Челленджер.

– Боже правый! Ведь это его самая больная тема. Когда он начнет что-нибудь рассказывать, вы не поверите ни одному слову. Оно и понятно. Но умоляю вас, не подавайте вида, иначе он разъярится, и тогда вам несдобровать. Притворитесь, что всему верите, может быть – обойдется. Имейте в виду, сам он совершенно искренне уверен в том, о чем говорит. Более честного и порядочного человека, чем мой Джордж, нет на свете. А сейчас вам уже пора к нему, иначе он заподозрит, что я с вами говорю. Если, паче чаяния, почувствуете, что он становится агрессивным, позвоните в колокольчик, и как-нибудь постарайтесь его несколько мгновений сдерживать. Я быстро приду вам на выручку. Обычно мне удается обуздать даже самые отчаянные выплески его ярости.

Таким образом, снабдив напутствием, женщина передала меня Остину, который во время нашего короткого с ней диалога застыл, как изваяние, олицетворяющее скромность. Мы прошли в конец коридора. Я осторожно постучал в последнюю дверь направо.

– Войдите! – донеслось из комнаты густым напоминавшим рев буйвола басом, и в следующую секунду я оказался один на один с профессором.

Он сидел во вращающемся кресле за огромным столом, заваленном книгами, чертежами и географическими картами. Он развернул кресло лицом ко мне. От внешности ученого у меня невольно перехватило дыхание. Конечно, я был готов встретить нечто необычное, но то, что увидел, превосходило самую изощренную фантазию. Прежде всего, это его размеры и невообразимо горделивая осанка. Без преувеличения, его голова была головой великана. Ничего подобного до этого мне встречать не приходилось. Казалось, что, если бы я отважился примерить его шляпу, то утонул бы в ней по грудь. Широким, испещренным багровыми прожилками лицом и массивной иссиня-черной бородой в форме ниспадавшего почти до живота густого веника он напоминал ассирийского быка. Его темя укрывала не менее густая поросль. От движения пучки волос то и дело опускались на высокий лоб. Из-под мохнатых бровей сверкали серо-голубые глаза, ясные, вездливые, до боли саркастические. Плечи, размахом в косую сажень, огромная, как бочка, грудь и массивные сверху мохнатые руки, представляли остальную видимую над столом часть его внешности. При этом тяжелый на низах переходящий в хрип бас. Вот вкратце первые мои впечатления от скандально достославного профессора Челленджера.

– Ну, – высокомерно проронил он, – что скажете?

Чувствуя себя так, будто он просвечивал меня своим взглядом насквозь, я в то же время понимал, что необходимо продолжать игру, нельзя было признаваться в том, что я – журналист, иначе он немедленно выставит меня за порог.

– С вашей стороны, сэр, было большой любезностью согласиться со мной побеседовать, – сказал я, почтительно протянув ему конверт с его автографом. Он взял со стола мое письмо и положил его перед собой.

– А, вы этот молодой человек, который, судя по тому, что здесь написано, не вполне в ладах с английским. Не так ли? Насколько я понял, основные положения моих практических заключений в естествознании встретили вашу благосклонность?

– Всецело, сэр, всецело!

Я постарался вложить в мои слова весь пыл, на который был способен.

– Надо же! Какая для меня честь. Ваша оценка очень укрепит мой авторитет в научном мире. Не правда ли? Ваш возраст и внешность придают вашему мнению особую ценность. Просто не знаю, что бы я делал без вашего одобрения. Ну ладно. По крайней мере, вы – лучше, чем свиньи от науки, чей стадный визг мне пришлось выслушивать на конгрессе в Вене. Впрочем, они не более вредны для меня и моего дома, чем какой-нибудь английский ворчащий в одиночку хряк.

И он посмотрел на меня, словно на представителя хрюкающей фауны.

– По-моему, ваши оппоненты в Вене вели себя недостаточно... – сказал я.

– Могу вас уверить в том, сэр, что пока я в состоянии справиться с моими врагами самостоятельно и не нуждаюсь в вашей поддержке. Мне значительно проще прижаться спиной к стене и парировать любого рода нападки, чем выслушивать слова поверхностной симпатии. Иначе я уже не буду Джорджем Эдуардом Челленджером. Однако, давайте ближе к делу. Постараемся, как можно сократить ваш визит, который вряд ли доставляет удовольствие вам, а уж мне – подавно. Итак, насколько я понял, у вас есть какие-то замечания по поводу моих тезисов в венском докладе.

Его прямолинейность ставила меня буквально в безвыходное положение. Что мог я ему сказать, без того чтобы тут же не выдать с головой мое невежество в науке?

– Я слушаю. Говорите же! – громыхнул он.

– Конечно, в науке я – пока новичок, – начал я с улыбкой, исполненной скромности идиота, – просто пытаюсь честно разобраться в том чего не понимаю. Именно поэтому, мне кажется, что в отношении к Вейсману вы несколько перегнули палку. Разве самые последние открытия, произведенные в естествознании, уже после венского съезда не подтверждают воззрений Вейсмана?

– Какие открытия? – он говорил со зловещим спокойствием.

– Возможно, это и нельзя назвать открытиями в полной мере. Я просто говорю о тенденции, об общем направлении современной научной мысли, общепринятой в этом вопросе точке зрения, если можно так сказать.

Глядя на меня в упор, и не моргая глазами, профессор подался вперед.

– Надеюсь, вы не будете отрицать, – он принялся один за другим загибать пальцы, перечисляя аргументы, – это пропорции черепной коробки являются непогрешимым индексом в констатации геологической эпохи, к которой принадлежит реликтовый индивид.

– Это бесспорно.

– Что теория телегонии, еще пребывает на уровне *sub judice*?

– Несомненно.

– И то, что эмбриональная плазма принципиально отличается от яйцееобразующей корпускулы парфеногенезиса?

– Ну разумеется! Конечно же! Именно так! – с неподдельной радостью воскликнул я, упиваясь своей находчивостью.

– И что это доказывает? – спросил он неожиданно мягким, увещательным тоном.

– А? Что? – промямли я, сбитый с толку последним вопросом.

– Да, что же это доказывает? – Сказать? – голос его тихо рокотал. Напоминая воркование голубя.

– Конечно же, скажите.

– Это доказывает, – он внезапно яростно взревел, так, что у меня зачесалось в ушах. – Что вы – отъявленный шарлатан из всего Лондона, изворотливый журналист-пресмыкака, в котором научных знаний ни на йоту не больше, чем элементарной человеческой порядочности.

Он вскочил с кресла. В его глазах сверкал неукротимый гнев. Но даже в столь критическое мгновение я успел заметить и удивиться, насколько несообразно с, гигантской головой было мало его тело. Он едва доставал головой до моего подбородка. Это была какая-то укороченная пародия на Геркулеса, чья мощь целиком ушла в глубину, ширину, и в прекрасно развитой мозг.

– Ахинея! – кричал он, сильно подавшись вперед, вцепившись руками в стол, от чего костяшки его толстых пальцев побелели. – Именно так, дорогой сэр. Я сейчас нарочно нес наукообразную ахинею. Вы надеялись меня обмануть, обхитрить, вы с вашими куриными мозгами? Вы, жалкие шелкоперы, воображаете себя всемогущей силой, способной кого-то наказывать, кого-то поощрять: вот этого надо поддержать и он сделает карьеру. А этого пожалуй, стоит осудить, пустить о нем дурную славу, и он в ней утонет, как в смрадном болоте. Ваше племя – само то же болото. Вонючие черви, мыльные пузыри, невежды. Но со мной у вас ничего не выйдет. Я поставлю вас на место. Джордж Эдвард Челленджер – вам не ровня. Он предупреждал вас, «не суйтесь», вы не послушали, теперь пеняйте на себя. Сейчас вы будете наказаны, мой дорогой Мелоун. С вас – штраф. Вы затеяли опасную игру, и мне только остается пожалеть, что вы ее проиграли.

– Послушайте. Давайте все-таки поспокойнее, сэр. – Проговорил я, пятясь к двери и незаметно ее приоткрывая. – Вы можете сколько угодно нести, по вашим же словам, ахинею. Но всему есть предел. Не вздумайте распускать руки.

Он медленно надвигался с недвусмысленным намерением.

– Неужели? – На мгновение он остановился и засунул руки в карманы короткой, как у подростка, куртки. – Несколько подобных вам я уже вышвырнул из моего дома. Вы будете четвертым, или пятым по счету. За каждого мне пришлось заплатить штраф в три фунта пятнадцать шиллингов. Накладно, конечно. Но, что поделаешь, – нужно. Итак, сэр, почему бы вам не последовать за вашими братьями по перу? Думаю, настало самое время.

И он опять медленно направился ко мне, смешно, как балерина, разводя в стороны носки. Я, конечно, мог пуститься наутек и в мгновение ока оказаться у дверей, выведивших из дома на улицу, но такое поведение мне показалось недостойным, и, кроме того, во мне самом начал закипать гнев. Да, изначально я был безнадежно не прав, однако оскорбления и угрозы этого человека вселили в меня чувство справедливого негодования.

– Потрудитесь держать руки подальше, сэр. Я этого не потерплю.

– Да что вы? – Его черные усы вздернулись, и сардоническая улыбка обнажила отлично сбереженные белые клыки. – Так таки и не потерпите?

– Не будьте идиотом, профессор, – прокричал я. – Куда вас несет. Я вешу более двухсот фунтов. Я – спортсмен, – играю центрального нападающего в лондонском клубе регби. Неужели вы надеетесь что...

В это мгновение он резко на меня навалился. Хорошо, что дверь я успел приоткрыть, иначе она была бы сорвана с петель. Мы кубарем покатались по коридору, словно изображая ярмарочный аттракцион огненное колесо. Каким-то образом в нашу кучу по пути затесался

стул. И так вместе со стулом мы скатились по ступенькам крыльца на булыжную мостовую. Стул, ударившись о последнюю ступеньку, разлетелся на части. Хорошо, что предусмотрительный Остин успел открыть входную дверь, иначе двери было бы не сдобровать. Нечто похожее я некогда видел в мюзикл холле. Это был захватывающий акробатический трюк, исполняемый братьями Мак. Назывался он «Колесо Катрины». Помню, тогда я очень смеялся. Но сейчас, когда сцепившись с профессором мы сами исполняли это «колесо», мне было не до смеха. Сделав по инерции еще один кульбит, мы, наконец, свалились в сточную канаву.

Он тут же вскочил на ноги, потрясая кулаками и свистя легкими, как кузнечными мехами.

– Ну что, еще, или хватит? – он тяжело дышал, как астматик.

– Ах ты, толстомордый бугай, – прохрипел я, отплевывая набившиеся в рот жесткие волосы его бороды, и быстро вскочил на ноги.

Наверное, мы продолжили бы потасовку. Но к счастью откуда-то появился полицейский. В руке у него был блокнот.

– Что здесь происходит? Как вам не стыдно? – сказал он, и это была самая разумная фраза, которую мне пока что довелось услышать на Энмор Парк.

– Ну, отвечайте же, – обратился он ко мне, – что происходит?

– Этот человек на меня напал, – сказал я.

– Это правда? – спросил полицейский у профессора.

Тот ничего не говоря тяжело дышал.

– Насколько мне известно, это не первый случай, – сказал полицейский, строго качая головой. – Кажется, около месяца назад вас уже привлекали за подобное хулиганство. У молодого человека под глазом синяк. Вы будете возбуждать против него дело, сэр?

Немного помедлив с ответом, я сказал:

– Нет, не буду.

– Почему же?

– Отчасти виноват я сам: настоял на своем к нему визите, несмотря на его предостережения.

Полицейский спрятал блокнот.

– Смотрите, чтобы больше такого не было, – сказал он Челленджеру. – А вы проходите, проходите. Нечего здесь глазеть.

Это уже относилось к служанке мясника, его сыну и к нескольким случайно оказавшимся на улице зевакам. Затем он, стуча сапогами, пошел прочь, подгоняя впереди себя эту компанию.

Профессор посмотрел на меня, и мне показалось, что в его глазах блеснули озорные искры.

– Ну что же, входите, – сказал он. – Мы с вами, кажется, еще не закончили.

Голос его звучал мрачно, но я сразу же последовал за ним в дом. Лакей Остин, как послушный истукан, закрыл за нами дверь.

Глава 4

«Это величайшая в мире сенсация»

Едва дверь закрылась, из столовой появилась миссис Челленджер. Лицо маленькой женщины подрагивало от волнения. Она преградила собой мужу дорогу, напоминая разгневанного цыпленка, отважившегося восстать против бульдога. Наверное, она видела, как мы выкатились из дома, но еще не заметила, что я вернулся.

– Какой же ты дремучий зверь, Джордж! За что ты избил этого милого юношу?

Он молча потыкал большим пальцем себе за спину, указывая на меня.

– Вон он, собственной персоной, здоров и невредим.

Она немного смутилась.

– Простите, я вас не заметила.

– Не стоит беспокоиться, сударыня, – со мной все в порядке.

– Но у вас под глазом кровоподтек. Какое безобразие, Джордж! Каждую неделю – по скандалу. Мы уже стали посмешищем во всей округе. Я не желаю больше с этим мириться. Ты до конца исчерпал мое терпение.

– Ну, полно тебе. Не выноси при госте сор из избы.

– Как будто, это для кого-то секрет. Неужели ты думаешь, что обитатели нашей улицы, да что там улицы, всего Лондона..., Остин, вы можете идти, пока вы здесь не нужны, обитатели всего Лондона уже не наслышаны о твоём из ряда вон выходящем вандализме? Завидная популярность, нечего сказать. Где твое достоинство? Ты, человек, с эрудицией которого можно по меньшей мере заведовать кафедрой в университете; передавал бы знания тысячам студентов, все они тебя уважали бы и преклонялись бы перед тобой за твой исключительный талант. Но с твоим характером. Где твое достоинство, Джордж?

– А где твое, дорогая?

– Ты злоупотребляешь моей добротой. Ты просто хулиган. Обыкновенный распущенный бытовой хулиган. Вот кем ты стал.

– Ну, хватит же наконец, Джесси.

– Беспардонный жлоб.

– Ну всё. Я вижу, придется наказать, и тебя. К позорному столбу!

И к моему удивлению он наклонился, подхватил жену на руки и усадил ее на высокий в метра два, черно-мраморный пьедестал, стоявший в углу прихожей. Площадка была совсем маленькая, и женщине приходилось сидеть, точно сбалансировав центр тяжести, чтобы не свалиться. На лице ее чередовались гримасы гнева и страха. Ноги ее одеревенело застыли. Она, боясь пошевелиться, пронзительно крикнула:

– Сними меня!

– Скажи «пожалуйста», – тогда сниму.

– Сними сейчас же, Джордж. Я упаду.

– Господин Мелоун, прошу вас ко мне в кабинет.

– Но, сэр, – сказал я, во все глаза глядя на леди Челленджер.

– Вот видишь, уже и господин Мелоун за тебя вступается. Так что, скажи «пожалуйста», и я тебя опущу вниз.

– Ну, хорошо, хорошо, пожалуйста.

Он бережно, словно хрустальную вазу снял ее с пьедестала и поставил на пол.

– Потрудись себя вести подобающим образом, дорогая. Господин Мелоун – представитель прессы. Он незамедлительно сварганит статейку, поместит ее в завтрашней вечерке и специально позаботится о том, чтобы лишняя дюжина экземпляров попала в распоряжение наших соседей. Эссе будет называться как-нибудь вроде «Любопытные наблюдения из жизни высо-

кой научной среды». Только что побывав на мраморной тумбе ты ведь уже ощутила высоту своего положения, не так ли? А чуть ниже – подзаголовок: «Штрихи к семейному портрету в интерьере». Что поделаешь, наш гость – тоже представитель своей среды, своего племени, так сказать, porcus ex grege diaboli, то бишь в переводе с латыни «свин из дьявольского стада». Они все, как тебе должно быть известно, привыкли питаться тем, от чего исходит душок, короче говоря, отбросами; не так ли, господин Мелоун?

– Вы – действительно невыносимы, – попытался я снова вспылить, но на сей раз настоящего в себе гнева почему-то не ощутил.

Внезапно профессор громко рассмеялся:

– Я чувствую, что вы теперь вдвоем заодно, и к тому же против меня.

Выпятив колесом грудь, он переводил взгляд с жены на меня и снова на нее. Затем, внезапно перестав ерничать, серьезно сказал.

– Приношу вам извинения, господин Мелоун, за эту маленькую домашнюю сценку. Я пригласил вас вторично вовсе не для того, чтобы впутывать в наши семейные дразги.

– Займись своими делами, дорогая, и не сердись. – Он положил свои тяжелые ручища ей на плечи. – Конечно, ты права. Я был бы значительно лучше, если бы слушал твои советы. Беда лишь в том, что тогда я бы уже был не я, а кто-то совсем другой. На свете много замечательных людей, но Джордж Эдуард Челленджер – один. И потому постарайся с ним поладить.

Внезапно он припечатал на ее щеке звонкий поцелуй. Его неожиданная нежность показала мне еще более шокирующей, чем недавняя грубость.

– А теперь, господин Мелоун, – проговорил он с подчеркнутой вежливостью, – прошу в мой кабинет.

Таким образом, мы снова оказались в комнате, которую десять минут назад с таким треском покинули.

Тщательно закрыв дверь, профессор указал мне на кресло и предложил коробку с сигарами.

– Настоящие Сан Хуан Колорадо, – сказал он. – Нервно неуравновешенные люди, вроде вас, порой нуждаются в небольшом допинге. Ради всего святого, не откусывайте кончик. Перед вами ножницы; аккуратно обрежьте. Сигара с изуродованным кончиком – уже не сигара. А теперь расслабьтесь и послушайте то, о чем я вам сейчас расскажу. Если по ходу у вас возникнут вопросы или замечания, постарайтесь меня не прерывать, – просто попридержите их на потом... Прежде всего, почему я вас вернул в мой дом после того, как совершенно справедливо *выставил за порог*.

Он выпятил бороду вперед, словно опять вызывал меня на конфликт.

– Именно так, сэр, прошу это заметить, ваше изгнание было абсолютно заслуженным. Так вот, причина перемены моего к вам отношения состоит в вашем ответе этому не в меру назойливому полицейскому. В ваших словах я заметил проблески великодушия и здравого смысла, которое, с моей точки зрения, совершенно не свойственны представителям вашей профессии. Признав себя виновником инцидента, вы обнаружили определенную независимость ума, способность судить беспристрастно. Не скрою, это качество в вас мне понравилось. Тот подраздел человеческой расы, к которой вы имеете несчастье принадлежать, никогда не вызывал моих симпатий. Однако ваши слова, сказанные полицейскому, побудили меня сделать в отношении вас исключение. На данном этапе вы меня, по крайней мере, заинтересовали, мне захотелось познакомиться с вами поближе, и поэтому я вас попросил вернуться. Можете стряхивать пепел в эту японскую вазочку на бамбуковом столе слева от вас.

Все это он произнес, торжественно выделяя логические ударения, будто читал лекцию перед широкой студенческой аудиторией. Он повернул кресло ко мне точно в фас и, раздувшись, как огромная жаба, запрокинув, словно от усталости, голову, как-то особенно горделиво полуопустил веки. Затем он внезапно развернулся, так, что остались видны лишь его всколо-

ченные волосы, сквозь которые пробивались красные уши; покопавшись в бумагах на столе, извлек из общей кучи что-то вроде небольшого, очень потрепанного альбома для карандашных набросков.

– Я намерен сегодня кое-что вам рассказать о Южной Америке, – сказал он. – Воздержитесь, пожалуйста, от комментариев. Прежде всего, я хочу быть уверенным в том, что ничего из того, что вы сейчас услышите, не попадет в печать, без моего специального на то согласия. Вероятнее всего, таковое никогда не последует. Это вам ясно?

– Но это слишком строго. Неужели некоторая разумная, ограниченная информация...

Он опять положил альбом на стол.

– Сожалею, но в таком случае будем считать нашу беседу завершённой. Желаю вам доброго здоровья!

– Нет, нет! – спохватился я. – Я согласен на любые условия. Насколько я понял, у меня нет выбора.

– Ни малейшего, – ответил он.

– Хорошо, в таком случае, я обещаю.

– Слово чести?

– Слово чести.

Он изучал меня высокомерно-недоверчивым взглядом.

– Впрочем, что собственно, мне известно о вашей чести?

Я опять расвирепел:

– Вы себе слишком много позволяете, сэр. Я не привык выслушивать оскорбления.

Новая вспышка моего темперамента не столько его задела, сколько заинтересовала, и, будто говоря сам с собою, он пробормотал:

– Так, так: круглоголовый, брахицефалик, сероглазый, темноволосый, – с отдельными признаками негроида. Полагаю, вы из кельтов?

– Я – ирландец, сэр.

– Ах, ирландец?

– Именно, так.

– Ну что же, это многое объясняет. Итак, прошу вас не забыть о вашем обещании не злоупотреблять моей к вам доверительностью. Разумеется, я расскажу далеко не все. Тем не менее, вы сейчас узнаете немало интересного. Наверное, вам уже известно, что два года назад я совершил путешествие в Южную Америку. Думаю, что со временем оно будет признано как выдающееся событие в мировой науке. Цель поездки состояла в том, чтобы подтвердить или опровергнуть некоторые научные наблюдения Уолласа и Бейтса. Для этого требовалось находиться в тех же местах и условиях, в которых уже побывали эти ученые. Дело шло к завершению. У меня не было причин быть недовольным накопленными результатами. Даже, если бы ничего больше не произошло, экспедицию следовало бы признать успешной. Однако случилось одно событие, которое круто изменило и направило мои исследования в совершенно новое русло. Вы вероятно знаете, (впрочем, может быть и нет, в наше время дремучего невежества ничему не приходится удивляться), что обширные площади бассейна Амазонки еще мало исследованы, а многие ее притоки даже не нанесены до сего дня на карту. Именно в этих местах мне выпало изучать на редкость многообразную фауну, полное описание которой в недалеком будущем составит многотомную монументальную монографию по зоологии, которая, собственно, и представляет цель моей жизни.

Экспедиция была уже завершена. На обратном пути мне пришлось заночевать в небольшом индейском селении, как раз, где приток впадает в главное русло. Точные координаты местности я вам пока не назову.

Местные жители представляют индейское племя Кукама. Это – вполне дружелюбная, но, увы, деградирующая раса, чей интеллектуальный потенциал вряд ли превосходит обычного

лондонца. Еще на пути вверх по течению мне часто приходилось заниматься врачеванием в прибрежных селениях, что составило мне у местных жителей добрую славу. Поэтому я не удивился, когда в одном поселке встретил жителей, с нетерпением меня ожидавших.

По их жестам я понял, что кто-то срочно нуждается в медицинской помощи и последовал за проводником в одну из хижин. Войдя, я обнаружил, что больной, к которому меня пригласили, уже испустил дух. Это произошло недавно, так как тело было еще теплым. К моему удивлению умерший оказался не индейцем, а белым. Я бы даже сказал, исключительно белым. У него были льняные волосы и все признаки альбиноса. Одет он был в лохмотья, очень истощен, по всему было видно, что перед смертью ему пришлось много пережить. Насколько я мог понять, индейцы этого человека никогда раньше не видели. Он пришел в селение из леса, был один и едва передвигал ноги от истощения. Рядом с циновкой находился вещь-мешок. Я в него заглянул; внутри была пришита бирка, а на ней значилось: Мэйпл Уайт, Лейк Авеню, Детройт, Мичиган.

Перед этим человеком я всегда готов снять шляпу. Думаю, даже, что когда людской интеллект дорастет до того, чтобы непредвзято оценить сделанное мной открытие, имя этого человека будет стоять рядом с моим.

Содержимое вещь мешка свидетельствовало, что его хозяин был художником и поэтом, путешествовавшим в поисках ярких впечатлений. Здесь были наброски стихов. Я – не очень сведущ в этих вопросах, но мне показалось, что стихи оставляли желать лучшего. Потом попало несколько ничем не примечательных рисунков, речных и прибрежных пейзажей, коробка с красками, коробка с цветными мелками, эта вот изогнутая кость, что лежит на чернильнице, том Бакстера «Мотыльки и бабочки», дешевый револьвер и несколько к нему патронов. Никакого другого имущества у этого чудного представителя американской богемы не оказалось.

Я уже собрался было уходить, но вдруг увидел, что из кармана его разорванной куртки высовывается какой-то предмет. Это оказался альбом для зарисовок. Он уже был сильно истрепан. Поистине к первому изданию Шекспира я не отнесся бы с большим благоговением, чем к этой тетрадке. Вот, извольте взглянуть сами, – просмотрите его внимательно страница за страницей от начала до конца.

Он прикурил сигару и, откинувшись в кресле, торжественно ожидал эффекта, который должен был на меня произвести этот документ.

Я открыл альбом, ожидая в нем обнаружить чудесное откровение, хотя еще и не предполагал, какого рода. Первая страница меня разочаровала. На ней не было ничего, кроме портрета какого-то толстяка в морской куртке и подписи: «Джимми Колвер на почтовом судне». Следующие несколько страниц занимали этюды и наброски из быта индейцев. Потом последовал портрет добродушного дородного священника в большой шляпе, сидящего напротив очень худощавого европейца. Внизу значилось: «Завтрак с Фра Кристоферо в Розарио». На нескольких страницах рисунки изображали женщин и детей. Потом пошли животные с краткими пояснениями, вроде: «Ламантин на песчаном холме», «Черепаша и ее яйца», «Черный агути под миртовой пальмой». Последний представлял какую-то тварь, чем-то смахивающую на свинью. Замыкали анималистическую тему рисунки каких-то длинномордых ящеров. Словом, ничего невероятного я не встретил и, не скрывая разочарования, сказал профессору:

– Это, – по всей вероятности, крокодилы.

– Аллигаторы! Аллигаторы! Вряд ли вы найдете в Южной Америке настоящих крокодилов. Разница между ними в том, что...

– Я хотел лишь сказать, что не нашел ничего необычного, ничего исключительного.

Он продолжал загадочно улыбаться:

– Переверните еще один лист.

Но и на следующем листе не оказалось ничего замечательного. Это был слегка намеченный акварелью пейзаж. Обычно такие наброски художники делают для того, чтобы впослед-

ствии из них развить полноценную картину. На переднем плане была какая-то бледно-зеленая перистая растительность. Плавно поднимаясь в гору, она постепенно приобретала коричневые и красноватые оттенки; а на заднем плане виднелись уже совсем отвесные скалы, напоминавшие базальтовые напластования. В одном месте выделялся уединенный кряж в форме пирамиды с большим деревом на вершине. Сверху и с боков рисунок был покрыт светло-лазоревой краской, изображавшей тропическое небо. На следующей странице была акварель, представлявшая этот же пейзаж, но с более близкого расстояния, что позволяло рассмотреть отдельные детали.

– Ну как? – спросил профессор.

– В общем, любопытная формация; – ответил я, – но я не настолько разбираюсь в геологии, чтобы дать объективную оценку.

– «Любопытная»? – повторил он мои слова. – Да она – уникальна! До настоящего времени ни один ученый в мире даже представить себе не мог, что такое возможно. Переверните еще страницу.

Я перевернул и невольно вскрикнул от удивления. Весь лист занимало изображение какого-то совершенно невероятного животного. Это походило на бред сумасшедшего, на галлюцинацию курильщика опиума. Голова, как у птицы, тело, как у надувшейся ящерицы; поверх длинного хвоста вздымались шипы, а сильно выгнутая спина вдоль хребта была усеяна зубцами, напоминавшими то ли гигантскую ленточную пилу, то ли посаженные в ряд петушиные гребешки. Перед этим фантастическим чудовищем стоял крохотный человечек, ростом не больше карлика, но с пропорциями нормального человека.

– Ну-с; что скажете на это? – произнес профессор, торжественно потирая руки.

– Это какая-то гипербола, гротеск.

– Однако, что побудило его нарисовать такого зверя?

– Наверное, он перебрал спиртного.

– И это все, что может вам прийти на ум?

– А что думаете вы сами?

– Скорее всего, это животное на самом деле существует, и рисунок выполнен с натуры.

Я едва не рассмеялся. Но к счастью, вовремя вспомнив о «Колесе Катрины», сдержался.

– Очень возможно, – сказал я, – очень возможно, – тоном, которым разговаривают, чтобы успокоить душевно неуравновешенного.

– Я хочу лишь сказать, что меня смутила фигурка карлика. Если бы это был индеец, можно было бы предположить, что речь идет о какой-то новоявленной расе южноамериканских пигмеев. Но он походит на европейца в солнцезащитной шляпе.

Профессор захрипел, как разъяренный бык.

– До каких же пределов доходит человеческое тугоумие! Вы расширили мое представление о его границах. Это что-то вроде умственного паралича. Просто великолепно.

Я уже успел понять, что сердиться на него бессмысленно. По меньшей мере, это было бы потерей времени, так как делать это приходилось бы постоянно. А потому, позволив себе лишь устало улыбнуться, я пояснил:

– Меня удивило, что человек – так необычно мал.

– Вы же ничего не поняли, – прорычал он и, тыча толстым, как сарделька пальцем в рисунок, продолжал:

– Видите на заднем плане растение? Как, по-вашему, что это такое? Наверное, вы подумали, – одуванчик, или брюссельская капуста, не так ли? К вашему сведению, это – весьма распространенное в Южной Америке крупное пальмовое дерево. Его называют «слоновая кость». В высоту оно достигает пятидесяти-шестидесяти футов. Конечно, человек был пририсован отдельно. Он просто не смог бы позировать в такой близости от чудовища, оставаясь в безопасности. По всей видимости, художник, желая предоставить ориентир размеров животного,

для сравнения изобразил на рисунке самого себя. Предположим, его рост чуть больше пяти футов. Дерево – в десять раз выше, – стало быть...

– Пресвятая сила! – вскричал я. – Значит, вы считаете, что животное достигало... Господи! В таком случае оно не уместилось бы даже в здании вокзала Чарринг Кросс!

– Ну, тут уж вы преувеличиваете; хотя, честно говоря, на рисунке красуется достаточно рослый экземпляр, – заметил профессор с видимым удовольствием.

– Но ведь нельзя же, – с горячностью возразил я, – отбросить в сторону все достижения, которыми на сегодня располагает наука, на основании одного лишь рисунка!

Я перевернул лист и, убедившись, что в альбоме больше ничего нет, продолжал:

– Одного лишь рисунка какого-то бродячего живописца, который выполнил его, то ли накурившись гашиша, то ли в бреду тропической лихорадки, а может быть, просто сочинил фантастическую картинку с целью пощекотать нервы зрителей. Вы как ученые не будете, ведь, ратовать за реальность того, что представляет автор рисунка.

Вместо ответа профессор снял с полки какую-то книгу.

– Вот замечательная монография моего друга, талантливого натуралиста Рея Ланкстера, – сказал он. – Эта иллюстрация, наверное, вас заинтересует. Обратите внимание на поясняющий текст: «Вероятный внешний вид динозавра-стегозавра, жившего в юрском периоде». Видите, – одна лишь задняя нога вдвое больше взрослого человека. Ну-с, что скажете на это?

Он протянул мне раскрытую книгу. Я взглянул на картинку. В гипотетической реконструкции вымершего вида безусловно присутствовало разительное сходство с экземпляром, изображенным в альбоме американского художника.

– Это просто поразительно! – согласился я.

– Однако я чувствую, что вам еще недостаточно аргументов?

– Видите ли, в рисунке могло произойти случайное совпадение. Кроме того американцу возможно где-то когда-то попадалась на глаза эта монография с картинками, и он по памяти просто воспроизвел один из них в своем альбоме. Не исключено, что это произошло, когда он по каким-то причинам находился, так сказать, не в здравом рассудке.

– Хорошо, – спокойно произнес профессор, обнаруживая удивительную выдержку, – допустим это так. В таком случае я прошу посмотреть вас на эту кость.

Он протянул мне кость, о которой уже вскользь упоминал, перечисляя имущество умершего путешественника. Она была длиной сантиметров в двадцать, толще человеческого большого пальца; на ее конце еще виднелись остатки сухожилия.

– Как по вашему, какому существу принадлежит эта кость? – спросил профессор.

Я рассматривал ее самым внимательным образом, призывая на помощь скудные познания в биологии.

– Может быть, это толстая человеческая ключица, – предположил я наобум.

Мой собеседник презрительно замахал руками.

– Человеческая ключица – изогнута. А эта кость – совершенно прямая. Вот здесь еще остался желобок, по которому проходило сухожилие. Так что ни о какой ключице не может быть и речи.

– Тогда я просто не знаю, что это могло бы быть.

– В данном случае вам не стоит стыдиться своего невежества. Не думаю, чтобы во всем ученом мире южного Кенсингтона нашелся хотя бы один человек, способный правильно охарактеризовать и назвать то, что вы держите в руках.

Из коробочки от пилюль он извлек кость размером с горошину.

– Вот эта частичка человеческого скелета представляет точный аналог кости, о которой мы говорим. Таким образом, вы можете получить некоторое представление о величине животного. По остаткам сухожилий можно безошибочно заключить, что данная особь – не ископаемый экземпляр, а умерший совсем недавно. Что скажете на это?

– Возможно, слон...

Лицо профессора перекошилось, будто от боли.

– Не надо. Не надо упоминать о слонах в Южной Америке. Это – курам на смех. Даже в начальной школе...

– Ну, в таком случае, – перебил я, – любое большое известное животное. Тапир, например.

– Поверьте, молодой человек, я достаточно разбираюсь в элементарных основах биологии, чтобы со всей ответственностью заключить, что данная кость не принадлежит ни одному известному на сегодня в зоологии виду. Она – часть скелета очень большого, очень сильного и, вероятно, очень свирепого хищника, который существует на земле, но которого еще не зарегистрировала наука. Ну что? Вы все еще не убедились?

– По крайней мере, мне это все – очень интересно.

– В таком случае вы – не безнадежны. Я подозреваю, что где-то в глубине в вас теплится здравый смысл. Попробуем хотя бы на ощупь до него добраться. Оставим на время умершего американца и вернемся к моей экспедиции. Увидев рисунки в альбоме, я, естественно, задержал свое возвращение на родину. Мне захотелось поглубже заглянуть в этот загадочный край. Какие-то предположения, какие-то намеки о том, откуда пришел злосчастный художник у меня имелись. Кроме того, я мог ориентироваться, опираясь на местные слухи, сплетни, легенды и даже пророчества. Вы, наверное, слышали что-нибудь о Курупуре?

– Никогда.

– Курупуре – злой лесной дух, – нечто ужасное, злобное грозное; что-то такое чего нельзя избежать. Никто не знает точно, что он есть и как он выглядит, но при одном его упоминании жители Амазонки приходят в трепет. Пожалуй, единственное, в чем сходятся разрозненные племена, это то направление, следуя которому, можно натолкнуться на Курупуре. Это направление как раз совпадает с тем, откуда пришел американец. Что-то ужасное таилось за лесами, и я решил разведать, что же это было на самом деле.

– И как же вы поступили?

Мое легкомыслие бесследно улетучилось. Это коренастый крепыш сумел завоевать мое внимание и уважение.

– Преодолев сопротивление и страхи аборигенов, (страхи настолько сильные, что многие из них даже говорить опасались на эту тему), вызывая к здравому смыслу, действуя спокойными убеждениями и раздавая подарки, а порой прибегая и к угрозам, я все таки, в конце концов, нашел двух проводников. После многих трудностей и приключений, о которых сейчас нет нужды говорить, преодолев некоторый путь, о протяженности и точном направлении которого я умолчу, мы, наконец, попали в такие места, о которых до настоящего времени нигде никем не упоминалось, за исключением моего неудачливого предшественника. Взгляните-ка на это.

Он протянул мне маленькую фотографию.

– Она, к сожалению, в ужасном состоянии. Это оттого, что на обратном пути, т. е., когда я шел вниз по течению, лодка перевернулась, и в контейнер, где хранились непроявленные пленки, попала вода. Сами понимаете, что получилось. Конечно, это – невосполнимая потеря. Лишь одна пленка по счастью, можно сказать, уцелела. Надеюсь, что вы удовлетворитесь этим объяснением низкого качества снимка. Появились слухи, будто фотография поддельная. Я даже не пытаюсь оспаривать эту явную чушь.

Снимок, действительно, был очень нечетким. Предвзятый критик легко мог бы принять его за подделку. Мрачный серый пейзаж. Как следует приглядевшись, я стал различать знакомые детали: длинную гряду скал, издали напоминавшую застывший водопад. На переднем плане равнина с редкой рощей из больших деревьев.

– Это похоже на картинку из альбома художника, что мы сейчас рассматривали, – сказал я.

– Совершенно верно. Она и есть. На этом месте я обнаружил следы стоянки американца. А теперь взгляните-ка вот сюда.

И он показал еще один снимок, изображавший тот же вид, но с более близкого расстояния. Хотя очертания были очень размытыми, мне удалось разглядеть одинокий утес с деревом на вершине.

– Да. Я абсолютно убежден, что здесь снято то самое место, что изображает рисунок в альбоме, – сказал я.

– Замечательно! – одобрил мою сообразительность профессор. – Мы с вами делаем явные успехи. Не так ли? А теперь внимательно посмотрите на вершину скалы. Видите ли вы что-нибудь там?

– Высокое дерево.

– А на дереве.

– Какая-то большая птица.

Он протянул мне лупу.

– Да, так и есть, – сказал я, изучая снимок через увеличительное стекло, – птица с очень массивным клювом. Похожа на пеликана.

– Не могу похвалить остроты вашего зрения, – посочувствовал мне профессор. – Это не пеликан и вообще не птица. Наверное, вам будет небезынтересно узнать, что мне удалось подстрелить это существо. Это было единственным надежным вещественным доказательством моих наблюдений, которое я мог привезти с собой в Европу.

– Значит, оно у вас здесь? – почти обрадовался я.

– Оно у меня было. Увы, в той же самой аварии с перевернутой лодкой я утратил и этот бесценный экземпляр. Когда содержимое лодки оказалось в водовороте, я отчаянно вцепился в крыло, и, в конце концов, оно осталось у меня в руке. Собственно, даже не все крыло, а лишь половина. Этот жалкий остаток бесценного для меня сокровища я вам сейчас представлю.

Из ящика письменного стола он вытащил нечто, что могло мне показаться верхней частью крыла большой летучей мыши. Под, по меньшей мере, в два фута длиной изогнутой костью простиралась вуаль из мягкой, но очень прочной кожаной перепонки.

– Гигантская летучая мышь, – предположил я.

– Ничего подобного, – строго сказал ученый. – Живя в просвещенном обществе, я порой удивляюсь, до какой степени доходит невежество отдельных людей в вопросах элементарной зоологии. Ну как же можно не знать простой истины из сравнительной анатомии, что крыло птицы – по сути – развитое предплечье, в то время, как крыло летучей мыши представляет три удлинённых пальца с перепонками между ними. В данном же случае не может быть и речи о скелете предплечья. Посмотрите сами. Вы же видите, что перепонка свешивается с единственной кости. Значит – не летучая мышь. Но и не птица. Тогда, что же?

– Право, не знаю, – сказал я.

Он опять открыл монографию своего друга-ученого.

– Вот, – сказал он, указывая на изображение какого-то невероятного летающего чудовища, – типичный представитель диморфодонов, или птеродактилей (летающие рептилии Юрского периода). На следующей странице есть схема устройства их крыльев. Сравните рисунок с тем, что держите в руках.

С величайшей скрупулезностью принявшись производить сопоставления, я не мог опомниться от нарастающего изумления. Это подводило черту под всеми сомнениями. Профессор говорил правду: рисунки художника, фотографии, подробный рассказ и, в конце концов, неоспоримое вещественное доказательство в виде фрагмента крыла.

– Я просто восхищен проделанной вами работой, Челленджер. Вы полностью меня убедили, – сказал я с искренней теплотой т. к. теперь понял, что к профессору относились неспра-

ведливо. Он благодушно откинулся в кресле, и было видно, что ему приятно мое неподдельное признание.

– Это – величайшая в мире сенсация, о которой мне когда-либо приходилось слышать, – сказал я; хотя конечно же мой восторг был восторгом журналиста, а не ученого. – Колоссально! Вы – новый Колумб в науке, открывший затерянный мир. Сейчас мне совестно, что поначалу я ставил под сомнение ваши слова. Всё казалось настолько невероятным. Но приведенные вами доказательства совершенно меня убедили, и, полагаю, смогут, если вам того захочется, убедить кого угодно.

Казалось, еще мгновение, и профессор от удовольствия замурлычет.

– Что же было дальше, мистер Челленджер?

– Дальше начался сезон дождей. Запасы моего провианта подходили к концу. Я частично исследовал горный кряж, но не нашел пути, чтобы взобраться на его вершину. Одинокий утес, на котором мне удалось подстрелить птеродактиля, оказался более или менее доступным. Я имею некоторые навыки альпиниста, но мне удалось лишь наполовину одолеть подъем на главный горный массив. С той точки я уже мог составить некоторое представление о скрытом за вершинами плато. Оно, по-видимому, – очень обширно, так как ни на запад, ни на восток, я не мог усмотреть окончания окаймлявшей его каменной гряды. Подножье гор – сплошь укрыто болотами, непроходимыми зарослями, кишасими змеями, насекомыми, – особенно много малярийных комаров. Все вместе это представляет непреодолимое природное ограждение на пути в эту отрезанную от мира страну.

– А кого-нибудь кроме птеродактиля вам удалось увидеть?

– Нет, сэр. Не удалось. Но в течение недели, что мы провели на стоянке у подножья гор, из-за вершин в разных местах часто раздавались странные звуки и крики, по всей видимости, животного происхождения.

– А как же существо на рисунке несчастного скитальца? Как объяснить этот факт?

– Можно лишь предположить, что каким-то чудом американцу удалось взобраться на вершину и увидеть динозавра, так сказать, невооруженным глазом. Конечно же, восхождение на плато представляет исключительную сложность, иначе обитающие на нем чудовища могли бы спуститься и начисто разрушить близлежащие селения.

– Но как все эти животные туда попали?

– По-моему, ответ на этот вопрос не представляет особого труда. Вероятное объяснение – таково. Южная Америка, как вы о том, должно быть, слышали, представляет собой, по сути, гранитный континент. В незапамятные времена на одном участке видимо произошло мощное вулканическое извержение. Это ясно из того, что порода скал в тех местах состоит преимущественно из базальтовых напластований. Таким образом, обширная область величиной приблизительно с графство Суссекс поднялась вверх и ограничила со всех сторон неприступными, почти не поддающимися эрозии скалами все, что на ней содержалось. Я говорю, прежде всего, о растениях и животных. Что же получилось в результате? Образовался замкнутый в себе ареал, где общие законы выживания в природе, были нарушены, или кардинально изменены. Здесь вполне могли сохраниться виды, которые повсюду на остальной части планеты давно вымерли. Жизнь в этом месте была словно искусственно законсервирована некогда происшедшим геологическим катаклизмом. Исчезнув везде, птеродактили и стегозавры выжили на этом недоступном человеку плато.

– Это потрясающе, профессор! Подумать только, как все логично и просто. Вам нужно только последовательно изложить ваши заключения на бумаге и, приведя все упомянутые доводы, объективно представить дело перед ученым миром.

– Да. Признаться, сначала по простоте душевной я тоже так считал, – произнес Челленджер с горькой иронией. – Могу лишь сказать, что на поверку вышло совсем иначе. На каждом шагу я наталкивался на недоверие, продиктованное либо обычной человеческой глупостью,

либо профессиональной завистью. Однако не в моем характере, сэр, перед кем-то унижаться, долго что-то объяснять, растолковывать и при этом видеть, что мои слова не принимаются всерьез. В таких условиях у меня пропала охота приводить вещественные доказательства. Мало-помалу сама тема мне сделалась ненавистной. Толпа начала атаковать меня, присылая своих представителей в виде газетных корреспондентов с целью удовлетворения праздного любопытства. Естественно я стал давать решительный отпор. По своей природе я, как вы уже к сожалению успели заметить, увы, несколько вспыльчив.

Потрогав нывший под глазом синяк, я промолчал.

– Моя супруга часто меня за это корит. Думаю, однако, что любой уважающий себя человек на моем месте поступал бы так же. Впрочем, сегодня вечером я намерен предоставить широкой общественности образец сдержанности и способности контролировать мои эмоции. Предлагаю вам посетить любопытный спектакль.

Взяв со стола, он мне протянул карточку – приглашение.

– Как видите в восемь тридцать в Институте Зоологии известный ученый Персивал Уолдрон выступит с популярной лекцией на тему: «О чем говорят века». Меня специально пригласили, чтобы, в конце концов, я выступил со словами одобрения Уолдрону за его выступление. Я согласился. Но, высказывая общее одобрение, я все-таки намерен, разумеется, с большим тактом, сделать ряд коротких замечаний, способных, на мой взгляд, заинтересовать аудиторию, заразить ее желанием погрузиться более глубоко в проблемы, о которых будет идти речь. С моей стороны не будет ничего вызывающего, скандального. Так, только несколько реплик, призывающих к более углубленному подходу к теме..., интересно, поможет ли мне моя выдержанность быть встреченным публикой более благосклонно, чем обычно.

– Вы приглашаете меня? – спросил я с волнением.

– Ну, разумеется.

На этот раз его голос звучал с неподдельным радушием, которое воздействовало на собеседника не менее мощно, чем вспышки агрессивности. Когда он довольно улыбался, его щеки наливались краской и раздувались, как два больших алых яблока, выделявшихся на фоне полуприкрытых глаз и широкой черной бороды.

– Непременно приходите. Мне будет приятно сознавать, что в зале у меня, по крайней мере, есть один, пусть и не очень компетентный, но вполне надежный союзник. Думаю, что вечером соберется много народу. Уолдрон, несмотря на то, что он отъявленный шарлатан, пользуется ощутимой популярностью. А сейчас, уважаемый Мелуун, вынужден с вами проститься. Я уделил вам гораздо больше времени, чем предполагал. Для меня недопустимо тратить энергию, предназначенную для просвещения многих умов, на одного человека, сколь бы симпатичным он не оказался. Итак, до вечера. Не забывайте о своем обещании не делать достоянием гласности ничего из того, что вы от меня услышали.

– Но мой шеф, господин Мак-Ардл, потребует у меня отчета о моем к вам визите.

– Ну, соврите ему что-нибудь. В конце концов, в вашем деле, ведь, приходится иногда так поступать. Кстати, – его голос опять обрел серьезность, – предупредите его, между прочим, что если он направит ко мне для интервью кого-нибудь, кроме вас, я исхлещу его плеткой. До встречи в 8.30 в Институте Зоологии.

Профессор вежливо проводил меня из дома. На прощание я еще раз удостоился лицезреть его обезоруживающую краснощекую улыбку, просиявшую над черной волнистой бородой, озорной блеск полуприкрытых глаз, и дверь захлопнулась.

Глава 5

«Как знать?»

Только выйдя на улицу, я наконец, ощутил насколько меня измотало двойное посещение дома профессора Челленджера. Все тело ныло, болела голова, в сознании была неразбериха.

Потрясающие открытия Челленджера, которые поначалу я намеревался разоблачать как фальсификацию, оказались правдой. Несмотря на полученную в буквальном смысле взбучку, я чувствовал себя провинившимся школьником и в то же время понимал, что мой трудный визит к ученому может иметь неоценимые последствия не только для нашей «Вечерней газеты», но и для мировой науки, для всего человечества, в конце концов. К тому же, если ученый даст мне добро на публикацию своих сведений (теперь такая возможность мне уже не казалась несбыточной), то я сделаюсь автором сверхсенсационной статьи, которая принесет мне богатство, а главное, неслыханную славу. С такой «кашей» в голове я подошел к стоявшему на углу Энмор Парк свободному кэбу. Мак-Ардл, как всегда, оказался на своем посту.

– Ну, – его одолевало любопытство, – сколько вам понадобится абзацев? По вашему виду можно заключить, что вы явились с поля битвы. Неужели опять не обошлось без рукоприкладства?

– Поначалу мы с ним слегка повздорили.

– Вот тип! И как же потом?

– Потом он взял себя в руки, и мы недурно побеседовали. Тем не менее, мне пока не удалось получить от него информацию, которую можно было бы опубликовать.

– Ну, это, как посмотреть. У вас на лице синяк, – не сомневаюсь дело его рук. Разве такое происшествие – не тема для статьи? «Пора забить в колодки этот ужас, гуляющий на воле», не так ли господин Мелоун? – старый редактор процитировал слова короля Клавдия из шекспировского «Гамлета». – Нужно сбить с него спесь. Завтра же помешу в «Вечерней газете» редакционную статью, от которой ему не поздоровится. Мы припечатаем на его высоком лбу такое клеймо, от которого он, как вечный Жид не избавится навеки. Дайте мне только материал. «Профессор Мюнхгаузен», «Сэр Джон Мандевиль», «Оживший Калиостро», – под каким-нибудь из подобных заголовков на отдельном вкладыше – блестящий разоблачительный памфлет, где будут упомянуты все известные аферисты и мистификаторы, а возглавлять позорный список будет шарлатан по имени Джордж Эдуард Челленджер. Ну, как вам моя идея?

– Думаю, не стоит, сэр?

– Почему же?

– Потому, что этот человек – не шарлатан.

– Как? – опешил Мак-Ардл. – Уж не поверили ли вы всем его байкам о мамонтах, мастодонтах и огромных морских змеях?

– Насколько я понял, ничего на счет конкретного он пока не утверждает. Бесспорно лишь то, что ему удалось повстречаться с чем-то до сих пор в науке неизвестным.

– Пресвятая сила! Так пишите же об этом! Немедленно пишите.

– Я бы рад. Но все, о чем от него узнал, пока не может быть обнародовано. Только при таком условии он согласился мне приоткрыть завесу над своей тайной.

Очень сжато, сведя рассказ Челленджера к нескольким фразам, я рассказал редактору о своем визите.

– Вот, таким образом, господин редактор.

Мак-Ардл смотрел на меня, не скрывая недоверия, словно соображал, не настало ли время список шарлатанов пополнить, включив в него и мое имя.

– Ну, хорошо, господин Мелоун, – сказал он, наконец. – В таком случае, давайте, по крайней мере займемся этим назначенным на вечер научным заседанием. Уж здесь то, конечно, не

будет никаких запретных для публикации тем. Лондонская пресса вряд ли станет ломать копья. Выступления Уолдрона уже неоднократно освещались в газетах, а о том, что будет присутствовать Челленджер, скорее всего никому не известно. Если повезет, нам удастся почерпнуть в Институте Зоологии замечательный материал. Во всяком случае, поезжайте туда и составьте подробный репортаж. До полуночи буду сохранять полосу для вашей статьи.

Этот день я провел необыкновенно напряженно. Теперь предстоял не менее трудный вечер, и я решил пообедать пораньше. Заказав в клубе «Дикарь» столик и пригласив Генри Тарпа, я рассказал ему о моих сегодняшних приключениях. Он слушал со скептической улыбкой. А когда, в конце, я поведал, что поверил рассказу профессора, Генри, громко рассмеялся.

– Дорогой мой! Да где же это видано, чтобы человек совершил важнейшее научное открытие и после этого ухитрился потерять решительно все вещественные доказательства? Оставьте подобные сказки для сочинителей романов. Парень обладает шикарной фантазией, а способностью разыгрывать трюки превосходит обитателей обезьяньего питомника. Все, о чем он говорит, на самом деле чистая выдумка.

– А как же бродячий поэт из Америки?

– Его никогда не было на свете.

– Я видел его альбом для этюдов.

– Это – альбом Челленджера.

– Вы хотите сказать, что он сам – автор диковинных рисунков?

– Конечно – он. Кто же еще?

– А фотографии?

– А что фотографии. На них ничего особенного не запечатлелось. По вашим же словам, вы видели всего-навсего птицу.

– Птеродактиля.

– Это сказал Челленджер. Он внушил вам мысль о птеродактиле.

– В таком случае, как же тогда кости?

– Маленькую косточку он выудил за обедом из простого ирландского рагу, а большую – ловко сфабриковал. Долго ли умеючи? Вряд ли это сложнее, чем подделать фотоснимок.

Мной внезапно овладела неуверенность. Неужели я ошибся, так опрометчиво склонившись на сторону скандального ученого? Потом мне пришла в голову хорошая идея.

– А вы не пойдете на лекцию? – спросил я.

Генри задумался.

– Этот гениальный Челленджер – не очень удобоваримая в обществе личность, – сказал он. – Многие не упускают случая, чтобы сводить с ним счеты. Пожалуй, он самый одиозный тип во всем научном Лондоне. Если на лекции окажутся студенты-медики, то начнется обычный скандал с выкриками, оскорблениями, возможно и не без драки. Я, видите ли, – не любитель подобного дурдома.

– Но профессор, по меньшей мере, заслуживает того, чтобы его выслушали. Не так ли? Отдайте ему справедливость хотя бы в этом. Послушайте своими ушами его аргументы.

– Здесь, пожалуй, вы – правы. Хорошо, вечером я поеду с вами.

В большом актовом зале Института Зоологии оказалось куда больше народа, чем мы предполагали. Из прибывавших к парадному один за другим электрокаров выходили седовласые профессора. В то же время в центральный вход вливалась река публики, одетой попроще, из чего следовало, что на лекции будут не только знаменитости, но также и самый широкий контингент слушателей. И действительно, едва мы заняли наши места в партере, нам стало понятно, что галерка и отдаленная от сцены часть зала заполнена молодежью. Везде витало юношеское, я бы даже сказал, ребяческое легкомыслие. Оглянувшись, я увидел лица, явно принадлежавшие студентам-медикам. Должно быть, все больницы откомандировали сюда своих молодых практикантов. Большинство собравшихся были настроены благожелательно; но в то

же время во всем сквозило озорство. То здесь, то там спонтанно возникали и затихали исполняемые нестройным хором популярные мелодии, прелюдии, согласитесь, достаточно необычная для научной лекции. Аудитория была настроена валять дурака, улюлюкать, выставять на смех все что ни попадя. Понятно, что вечер обещал быть занятым для всех, кроме тех персон, против которых эти насмешки были обращены.

Едва на сцене появился старый доктор Мелдрам в своей всем известной шляпе – цилиндре, отовсюду раздались выкрики: «Где вы раздобыли эту кастрюлю?»

Старик снял цилиндр и поспешно спрятал его под стулом. Когда разбитый подагрой профессор Уодли ковылял к своему месту, многие из публики вслух интересовались, как чувствует себя косточка на большом пальце его ноги. Однако наибольшее оживление возникло, когда на сцене появился Челленджер. Пока он проходил к последнему креслу первого ряда президиума, в зале, не прерываясь, раздавались возгласы, которые можно было с одинаковой правотой принимать как за одобрение, так и за издевку. Когда же он, наконец, устроившись на стуле, принялся по своему обыкновению поглаживать волнистую бороду, в зале возник такой шум, что я подумал о том, насколько был прав Генри Тарп, предполагая, что вся «научная» ценность лекции скорее всего сведется к выяснению отношений между оппонентами. Мне показалось, на многих лицах среди хорошо одетой публики первых рядов блуждали одобрительные улыбки, словно эти уважаемые представители научной элиты одобряли крикливые изъятия злобствующей части молодежной аудитории. В общей шумихе, однако, преобладали интонации наполненные, если и не открытым доброжелательством, то, по крайней мере, неподдельным интересом к личности профессора, который лишь улыбался, как-то брезгливо-снисходительно полуопустив веки. Весь его вид говорил: «Ну что же, можете немного потявкать. В конце концов, на всех щенков и палок не хватит». Шум еще не вполне улегся, когда к кафедре подошли председательствующий и докладчик господин Уолдрон. Началась деловая часть.

Пусть профессор Мюррей меня извинит, но не могу не заметить, что он не избавлен от общего для многих англичан недостатка, а именно, – от плохой дикции. Просто удивительно, почему умные люди, имеющие за душой несметные интеллектуальные сокровища, не обременяют себя простой задачей, – научиться говорить ясно, чтобы все могли услышать и понять. Усилия таких декламаторов напоминают тех незадачливых хозяек, которые собрались, например вымыть посуду, установили бак, сложили в него тарелки, направили шланг, но в последнюю секунду забыли открыть водопроводный кран.

Профессор Мюррей торжественно раскрыл рот и испустил несколько звуков, сила и ясность которых не превышала тиканья жiletных часов. Могло показаться, будто вначале он что-то сказал своему ослепительно белому галстуку, потом обратился к графину с водой и, наконец, заговорщически улыбнувшись стоявшему справа позолоченному канделябру, вернулся к своему креслу, оставив кафедру господину Уолдрону. Всем известный по линии наукопопа лектор был встречен аплодисментами. Он оказался суровым на вид, заносчивым, привыкшим к славе человеком, с резким, немного хриплым, но очень уверенным голосом. Прекрасно овладев искусством хватать на лету любую полезную информацию, он виртуозно ее обрабатывал, развивал и преподносил слушателям с таким занятым общедоступным снисходительным юмором, что даже самые скучные явления и материи вроде вековых смещений в цикле равноденствий, или процессы образования и совершенствования позвоночных в его пересказе обретали развлекательный, почти анекдотический характер.

Как-то отстранено, словно с высоты птичьего полета взирая на мир, он простыми, доходчивыми, порой исполненными образными сравнениями словами раскрывал перед нами сложнейшие тайны мироздания. Вначале он поведал о возникновении земного шара. О том, как огромная масса раскаленного газа неслась в бесконечном пространстве. Потом перешел к тому, как, сгущаясь и охлаждаясь из газа возникла твердая материя: складки земной коры из которых образовались массивы, о том как пар, конденсируясь, превращался в воду, таким образом,

создавая доисторические подмостки, на которых со временем предстояло разыгаться самой чудесной в природе драме, имя которой – жизнь.

Когда речь зашла о самом возникновении жизни, красноречие лектора немного потускнело. Впрочем, это был видимо намеренный профессиональный прием, позволявший слушателям самостоятельно сделать вывод о том, что в данном вопросе современная наука еще не нащупала удовлетворительных путей исследования. Неясность была во всем, – как в сроках, так и в причинно-следственных цепочках.

– Конечно же, – говорил докладчик, – любые, пусть самые примитивные, белковые соединения не могли возникнуть в тот период, когда на поверхности земли была температура, превосходившая точку кипения воды. Они сварились бы, превратясь во вполне съедобный бульон, еще не успев возникнуть. Беда лишь в том, что это блюдо некому было есть...

Одобрительный смех.

– Значит жизнь возникла позднее. Когда же и как? Из охлаждавшихся неорганических элементов земли? Очень возможно. Или может быть, первые белковые соединения были занесены на нашу планету метеорами? Вряд ли. Говоря по совести, ни один из самых просвещенных, самых гениальных ученых не способен дать на этот вопрос исчерпывающий ответ. Здесь мы попросту ничего не знаем. Мы не можем, или, по крайней мере, пока в условиях самых оборудованных лабораторий нам не удавалось смоделировать органическую клетку из неорганических элементов. Современная химия не в состоянии перебросить мост через пропасть, разделяющую неживую природу от живой. Однако природа вероятно в течение многих тысяч веков сама залатала эту брешь, оказавшись более совершенной биохимической лабораторией, нежели та, что способен построить человек.

Потом лектор перешел к долгой поэтапной эволюции в развитии живой материи, начиная с инфузорий и моллюсков ступенька за ступенькой переходя к рептилиям, рыбам и т. д., пока, наконец, не добрался до сумчатой крысы, которая являлась прародительницей всех млекопитающих, а стало быть, и тех кто присутствовал в этот вечер в зале.

– Ну, ну, – раздался скептический голос одного из студентов откуда-то из задних рядов.

– Если юный джентльмен в фиолетовом галстуке, сказавший: «Ну, ну» (он, видимо, со мной не согласен, и полагает, что вылутился из яйца), сообразовит дожидаться меня после лекции, я буду крайне восхищен, воочию узрев такое чудо.

Смех.

– Поистине удивительно сознавать, что природа, потратив столько веков на эволюцию, в конце концов, произвела такой шедевр, как мой уважаемый оппонент в фиолетовом галстуке!

Опять смех.

– Но вполне ли я справедлив, произнеся только что слова: «в конце концов»? Ведь процесс не завершен. Эволюция продолжается и в наши дни. Поэтому молодого джентльмена нельзя рассматривать как заключительный этап развития природы, ее цель, венец ее творения. Какими бы добродетелями и совершенствами ни обладал упомянутый господин (разумеется, с его собственной точки зрения, факт существования которой я не имею оснований не учитывать и даже не уважать), великие законы вселенной к счастью продолжают управлять процессами развития живой субстанции, и конечно же это развитие не оправдало бы себя ни физически, ни морально, если конечным результатом этих грандиозных изменений явился бы столь несовершенный экземпляр. Созидательная энергия вселенной не исчерпана. Она постоянно действует, генерируя все большие чудеса.

Виртуозно разделившись со своим молодым оппонентом, докладчик вернулся к картинам геологического прошлого: к высыхающим морям, образованиям песчаных структур, к слизистым белковым соединениям, обитавшим на границе между водой и сушей, к лагунам, кишачим земноводными, имевших здесь пищу из-за обилия илистых наслоений.

– Таким образом, леди и джентльмены, здесь мы уже имеем дело с первобытными ящерами, пугающими наши взоры, когда их останки удастся обнаружить в вельденских или золенхофенских сланцах. К нашему с вами счастью, задолго до появления первых представителей человеческой расы эти чудовища исчезли с лица земли.

– Как знать? – раздалось негромким, но уверенным басом откуда-то из президиума.

В умении вести дискуссии господин Уолдрон был непревзойденным мастером. К тому же он обладал безотказной находчивостью и язвительным чувством юмора. Прерывать его было опасно, как это стало ясно из эпизода с молодым человеком в фиолетовом галстуке. Однако новая реплика несогласия была настолько нелепой, что на мгновение он растерялся. Так, наверное, просвещенный шекспировед смотрел бы на какого-нибудь заскоружлого бэкониянца, или ученый-астроном на чудом попавшего на научный симпозиум невежу-фанатика, решившего вдруг провозгласить, что земля – плоский блин.

Сделав небольшую паузу, докладчик повторил последние слова, чуть повысив голос:

– До появления первых людей эти чудовища исчезли с лица земли.

– Как знать? – повторилась фраза из президиума громоподобным басом.

Уолдрон с изумлением окинул взором лица ученых, заполнявших кресла президиума, и остановился на профессоре Челленджере. Тот, запрокинув голову и прикрыв глаза, благодушно, словно во сне, улыбался.

– А-а-а, – с несколько наигранной веселостью пропел лектор. – Это мой товарищ по науке профессор Челленджер.

В зале засмеялись, и Уолдрон продолжил лекцию с таким видом, будто недоразумение было исчерпано одним упоминанием имени Челленджера.

Но, как вскоре выяснилось, инцидент отнюдь не был исчерпан. О чем бы докладчик ни говорил, касаясь геологического прошлого планеты, он так или иначе вынужден был упоминать о ящерах, и только лишь речь заходила о том, что они вымерли, из президиума неизменно слышалось:

– Как знать?

Молодые люди в зале уже установили закономерность и принялись развлекаться. Всякий раз, когда Уолдрон говорил о динозаврах, они, предваряя реплику Челленджера, дружно орали:

– Как знать? – чем раздражали не только докладчика, но и бородатого профессора. С задних рядов неслись такие протесты:

– Потише!

– Какое безобразие!

– Дайте говорить выступающему!

Уолдрон, крепкий, закаленный в битвах полемист, в конце концов, растерялся. Сказал что-то бессвязное, сбился с мысли, вернулся к тому, о чем уже говорил, запутался в длинной фразе и наконец, набросился на виновника неразберихи.

– Это превосходит всякие пределы! – задышавшись, прохрипел он, глядя в президиум. – Уважаемый профессор! Прекратите ваши выходки. Видимо вам захотелось подурачиться. Примите, однако, в расчет, что после столь безответственных шуток вас могут принять за дремучего невежду.

Наступила тишина. Студенты в восторге оцепенели. Шутка ли, – на их глазах два титана на научном Олимпе затеяли свару. Когда еще такое увидишь? Челленджер торопливо поднял свою грузную фигуру из кресла.

– В свою очередь, попрошу вас, господин Уолдрон, перестать делать публичные заявления, смысл которых не соответствует научным фактам, – сказал он.

Эти слова породили бурю эмоций.

Выкрики:

– Позор!

– Это недостойно!

– Дайте возможность слушать!

– Долой дилетантов!

– Лишите его слова!

– Несправедливо! Докладчика нельзя обрывать! – покрывали общий ор удивления, возмущения, а подчас и одобрения.

Председатель вскочил и, растерянно тряся руками, невнятно что-то объяснял Челленджеру. Из его блеяния можно было различить только несколько слов:

– Профессор Челленджер, прошу вас. Частные замечания по окончании доклада.

Виновник скандала понял; почтительно кивнул председателю и, поглаживая бороду, опустился в кресло. Красный, как рак, до предела взвинченный Уолдрон продолжил лекцию. Делая то или иное утверждение, он теперь постоянно бросал озлобленные взгляды на масти того оппонента, но тот, опять прикрыв глаза, словно сквозь дрему, лишь благодушно улыбался.

Наконец лекция закончилась. Мне показалось, что докладчик скомкал заключительную часть, так как завершающие положения не вполне увязывались с тем, что он говорил раньше. Наконец он, отирая белым платком вспотевшее лицо, занял свое кресло в президиуме. После недолгого щебета председателя к кафедре проследовал Челленджер. В интересах дела я решил зафиксировать его выступление дословной стенограммой.

– Леди и джентльмены! – начал он под еще не утихший гул в задних рядах. – О, прошу прощения, леди, джентльмены и дети! Неумышленно я почему-то выпустил из виду значительную часть аудитории.

Шум в зале.

Выставив вперед бороду и немного переждав, профессор поднял над головой руку, словно священник, собиравшийся благословить свою паству.

– Меня пригласили сюда для того, чтобы я как представитель ученого общества поблагодарил господина Уолдрона за его увлекательное, красочное выступление, которое мы с вами только что имели удовольствие слышать.

В его речи есть положения, с которыми я не согласен. Считая своей обязанностью незамедлительно на это указать докладчику, я позволил себе во время лекции произнести с места несколько коротких замечаний. Как бы там ни было, лектору удалось в яркой доходчивой форме обрисовать историю нашей земли в свете общепринятых научных представлений. Популярные лекции, читаемые таким мастером своего дела как господин Уолдрон очень легко и благодарно слушаются любой публикой. Но господин Уолдрон, – тут Челленджер метнул в сторону сидевшего в президиуме лектора лукавый взгляд, – но господин Уолдрон, надеюсь меня простит, если я скажу, что подобные выступления чаще всего представляют собой поверхностный обзор, а порой и явную дезинформацию, так как в них докладчику приходится приспособливаться к, как правило, низкому уровню слушателей...

Недовольный шум.

– Лекторы, практикующие популярные темы, по своей природе – паразиты...

Уолдрон протестующе машет руками.

– Они эксплуатируют талант и наживаются на труде своих менее известных и менее богатых собратьев. Самый скромный, самый незначительный результат, полученный в лаборатории, один лишь кирпичик, из которого строится храм науки, во сто крат важнее любой самой громкой лекции, самого красочного спектакля, на котором можно поразвлечь благосклонные к знаниям, но, по сути, праздные умы, не давая при этом никакого полезного для человека результата.

Я сейчас указываю на это различие вовсе не для того, чтобы как-то уязвить лично господина Уолдрона, а лишь из желания поддержать в вас способность не путать между настоящими

жрецами науки, сколь скромными они бы ни представлялись, и обыкновенными прислужниками, сколь яркими и достославными ни были бы их имена.

Здесь господин Уолдрон что-то очень активно начал шептать председательствующему. Тот немного привстал и, сказав несколько слов, адресованных, по-видимому, графиню с водой, опять опустился в кресло.

– Но об этом – достаточно.

Громкие одобрения.

– Позвольте мне перейти к теме, представляющей куда больший интерес. В чем, с моей точки зрения, – самое уязвимое место в прозвучавшей лекции? Вы, конечно, по моим репликам заметили, что оно заключено, прежде всего, в утверждении докладчика, будто определенные виды некогда якобы исчезли из жизни на нашей планете. Я выступаю перед вами не как дилетант и не как общедоступный лектор, а как человек, чья профессиональная совесть побуждает его строго придерживаться истины. В докладе господина Уолдрона не содержалось ни одного серьезного аргумента, на котором можно ответственно утверждать, что ящеры и другие виды давно поголовно вымерли. В качестве единственного основания он, вероятно, может выдвинуть то обстоятельство, что сам он за всю жизнь не встречал ни одного динозавра. А раз это так, то они не существуют. Как он совершенно справедливо заметил, ящеры являются нашими далекими предшественниками. От себя могу прибавить лишь то, что они – не только предшественники, но и современники человека. Сложность состоит лишь в том, чтобы отыскать место, где они обитают и, преодолевая опасность, туда добраться. Таким образом, существа, которых мы беспечно относим к юрскому периоду, силой и размерами во много раз превосходящие самых крупных известных млекопитающих, способные, будь они в состоянии спуститься с отвесных скал, охотиться на слонов и носорогов, как гепард на зайца, существуют и сегодня.

Восклицания с мест:

– Какой вздор!

– Этого не может быть!

– Где доказательства?

– Откуда это известно вам?

– Откуда мне известно? Мне известно потому, что я сам побывал в окрестностях тех мест, где они обитают, и некоторых из них видел своими глазами.

Аплодисменты, рев возмущения, одинокий возглас:

– Лжец!

– Я – лжец?

Единодушное согласие в публике.

– Кажется, кто-то назвал меня лжецом? Не соблаговолит ли это сделавший господин встать, чтобы я его увидел?

Чей-то голос:

– Он – здесь, сэр.

И над головами небольшого скопления молодых людей взметнулось поднятое на руках тело тщедушного человека в очках. Он отчаянно отбивался, стремясь свалиться на пол.

– Вы себе позволили назвать меня лжецом?

– Нет, сэр, нет! – испуганно завизжал обвиняемый и, ловко извернувшись, исчез в ногах толпы, как чертик – в табакерке.

– Если кто-нибудь из присутствующих осмелится выразить вслух сомнение в моей честности, я буду рад поговорить с ним с глазу на глаз после окончания собрания.

– Лжец!

– Кто это сказал?

И опять щуплый очкарик возник на руках у студентов. Его раскачивали с дурашливо-восторженным подбострастием, как чествуемого юбиляра, а он нелепо дрыгал руками и ногами.

– Я, ведь, могу спуститься с эстрады!

Крики:

– Валяй, дружище, спускайся! Нам тебя здесь, ох, как не хватает!

Тихоголосый председатель беспомощно жестикулировал, как дирижер оркестра, музыканты которого взбунтовались и вместо стоявшего на пюпитрах свадебного марша Мендельсона, вдруг заиграли польку-бабочку Иогана Штрауса младшего. Профессор стоял перед толпой с пылающим гневом лицом. Ноздри его раздувались, – даже борода, казалось, растопырилась, как иглы у дикобраза:

– Чего можно ждать от вас? Любое подлинное открытие в науке всегда встречало в толпе дремучее недоверие. Вы способны лишь обливаться грязью людей, рискующих жизнью ради того, чтобы вывести человечество на новые пути в познании мира. Вы преследуете пророков. Так было с Галилеем, с Дарвином и теперь вот происходит со мной!..

Голос профессора тонет в продолжительном шуме.

Все это я смог лишь кратко законспектировать, так как от волнения перестал справляться со стенографическими иероглифами. Мои блокнотные заметки дают лишь приближенное представление о великом хаосе, воцарившемся в зале Института Зоологии к концу заседания. Беспорядок достиг такого градуса, что многие дамы поспешно выбегали из зала. Пожилых господ тоже захватил воинственный студенческий азарт. Я видел, как седобородые господа вскакивали и потрясали кулаками и тростями в адрес упрямого профессора. Широкая аудитория шипела и свистела, как кипящий котел. Профессор сделал несколько шагов к авансцене и властно поднял над толпой руки. В его движениях сейчас была такая уверенность, такой мощный волевой порыв, что общий ор как-то сам по себе стих.

– Я вас не задержу, господа, – сказал он. – Как бы там ни было, в жизни человека, как и в фундаментальной науке, истина – важнее всего. Истина всегда остается истиной, как бы ни злопыхали отдельные не очень умные молодые люди и их не более благополучные в этом отношении старшие наставники. Я заявил, что открыл в науке новую страницу. Вы с этим не согласны. Вам нужны доказательства? В таком случае, что мешает вам провести исследование, чтобы проверить мои заявления? Изберите из своего контингента одного, или нескольких человек, которым вы доверяете, и которые согласятся от вашего имени проверить принесенные мной сведения.

Поднялся господин Саммерли, пожилой профессор, заведующий кафедрой сравнительной анатомии, высокий, сухой желчный тип с аскетичной внешностью теолога.

– Я хотел бы спросить у господина Челленджера, – сказал он, – являются ли так называемые открытия, о которых идет речь, результатом поездки в верховья Амазонки, произведенные им два года назад?

– Разумеется, именно так, – ответил Челленджер.

– Тогда хотелось бы, чтобы господин Челленджер объяснил, как могло случиться так, что господа Уолас и Бейтс и ряд других уважаемых ученых, исследовавшие эти места еще раньше господина Челленджера, не пришли к аналогичным результатам?

– Видимо уважаемый коллега Саммерли, – ответил Челленджер, – по каким-то причинам спутал Амазонку с Темзой. Амазонка намного больше Темзы. Думаю, что господину Саммерли будет небезынтересно узнать, что бассейн Амазонки вместе с Ориноко (рекой, с которой она соединена протоками), составляет около пятидесяти тысяч квадратных миль, и что на такой обширной площади вполне может произойти так, что открытия одного исследователя не совпадут с результатами, полученными другими.

Озарив лицо укусной улыбкой, Саммерли заметил:

– Я полагаю, что в данном случае значение имеет не сравнительные размеры бассейнов английской и американской рек, а тот факт, что любые сведения, касающиеся Темзы, можно без труда проверить, тогда как аналогичную проверку в отношении Амазонки провести несрав-

ненно сложнее. Я был бы очень обязан господину Челленджеру, если бы он любезно согласился сообщить мне точные координаты местности, где, по его словам, можно встретить ныне здравствующих доисторических животных.

– До настоящего времени, – сказал Челленджер, – у меня были веские причины воздерживаться от сообщения точного местонахождения упомянутого ареала. Но сейчас с определенными оговорками я согласен предоставить необходимые ориентиры к сведению комиссии, которую вы выберете. Может быть, уважаемый господин Саммерли войдет в эту комиссию и, возглавив экспедицию, лично проверит мои утверждения.

Саммерли: – Да, я согласен.

Дружные аплодисменты.

Челленджер: – В таком случае обещаю вам предоставить точные указатели, по которым вы найдете дорогу. В то же время полагаю, что, коль скоро господин Саммерли намерен проверять меня, то совершенно справедливо, если в составе экспедиции окажется человек, который будет проверять его самого. Не имею не предупредить о том, что ваше предприятие будет сопровождаться разного рода трудностями и опасностями. А потому придется бросить клич: «Есть среди вас добровольцы?»

Вот так в одно мгновение порой круто изменяется жизнь человека. Разве мог я, входя в актовый зал для ученых советов Института Зоологии, предположить, что в конце вечера под впечатлением услышанного настолько ошалеею, что завербуюсь в экспедицию, отправляющуюся на край света в непроходимые джунгли Южной Америки? Что меня там ждало? Честно говоря, даже думать было страшно. Но разве не о том говорила мне накануне Глэдис? Да, именно такое, полное опасных приключений путешествие, может меня прославить и таким образом проложить мне путь к сердцу возлюбленной? Вскочив со стула я закричал, предлагая свою кандидатуру. Слова вырвались у меня сами собой. Сидевший рядом Генри Тарп тщетно пытался меня усадить дергая за фалы пиджака. Я слышал, как он шипел:

– Да сядьте же, Мелоун. Не будьте ослом. На вас все смотрят.

В этот момент я увидел, что через несколько рядов впереди кто-то тоже поднялся со стула. Это был высокий атлетического сложения немного рыжеватый господин лет сорока. Он с досадой посмотрел в мою сторону, но я не отступал:

– Господин председатель! Запишите меня. Я согласен ехать. Я согласен. Вы слышите? – повторял я, закусив удила.

– Назовите себя! Кто вы?

Неслось ко мне со всех сторон.

– Меня зовут Эдуард Дэн Мелоун. Я – штатный корреспондент «Вечерней газеты». В возникшем споре обещаю быть непредвзятым хладнокровным судьей.

– А вас как зовут, сэр? – спросил председатель у моего рослого соперника.

– Лорд Джон Рокстон. Мне уже доводилось бывать в верховьях Амазонки. Неплохо знаю те места и полагаю, что был бы полезен в предстоящем путешествии.

– Лорд Джон Рокстон – хорошо известный спортсмен и путешественник, – сказал председатель. – В то же время в такую экспедицию было бы уместно включить и представителя прессы.

– В таком случае я предложил бы, – сказал профессор Челленджер, – что бы сегодняшнее собрание утвердило кандидатуры обоих джентльменов в качестве лиц для сопровождения профессора Саммерли в поездке, целью которой будет проверка высказанных мной утверждений.

Итак, под общие аплодисменты и веселые выкрики наша судьба была решена. Оказавшись затянутым в людской поток, хлынувший на выход, я продвигался к дверям. В сознании хаотично носились мысли, связанные с невиданными новыми перспективами. Оказавшись на улице, я, словно сквозь туман, различал толпы хохочущих студентов. Откуда-то появилась крепкая рука, размахивавшая тяжелым дождевым зонтом, который обрушивался на головы

паясничавших балбесов. Эта экзекуция у многих вызывала приступы еще большего хохота, и лишь несколько пострадавших стонали от боли. Наконец профессор Челленджер пробился к своему электрокару, и карета, чуть вздрогнув отъехала от тротуара, увозя героя дня.

Я шел в свете ярких ртутных фонарей по Ринджент-стрит, поглощенный мыслями о Глэдис и всем том, что ждало меня в недалеком будущем. Внезапно кто-то взял меня за локоть. Я обернулся и увидел перед собой высокого джентльмена, заявившегося вторым добровольцем. В его слегка подернутой иронией взгляде читалось достоинство и закаленное в суровых испытаниях мужество.

– Насколько мне удалось в общем шуме расслышать вы – господин Мелоун? Теперь нам с вами предстоит бежать в одной упряжке. Не так ли? Я живу здесь совсем неподалеку в Олбани. Может быть, зайдете на полчаса. У меня есть о чем с вами поговорить.

Глава 6

«Меня прозвали «Бич Божий»

Лорд Джон Рокстон повернул на Виго-стрит, и, миновав около двух кварталов, мы оказались перед обветшалым парадным многоэтажной, густонаселенной аристократической трущобы. В конце длинного тускло освещенного коридора мой новый знакомый толчком открыл дверь. Войдя, он первым делом нажал кнопку выключателя. Множество электрических ламп, зашторенных оранжевыми абажурами, озаряли просторную комнату теплым освещением цвета живого каминного пламени. Стоя на пороге, я с любопытством разглядывал интерьер, сочетавший элегантную роскошь, с непринудительным уютом мужественной простоты. Обстановка говорила о материальном благополучии хозяина, человека безусловно обладавшего отменным вкусом, и, в то же время, во всем были заметны небрежность и беспорядок, свойственные жилищу холостяка. На полу были разбросаны меховые шкуры и ярко-цветастые высоковорсовые ковры, без сомнения, приобретенные на настоящем восточном базаре. На стенках – повсюду картины и гравюры, которые даже мне, не очень искушенному ценителю, показались весьма редкостными и дорогими. Талантливо исполненные неизвестными мастерами карандашные и акварельные зарисовки из жизни боксеров, балерин, фотографии прославленных жокеев вместе со своими жеребцами чередовались с подлинниками полотен чувственного Фрагонара, баталиста Жироде и поэтично-мечтательного Тернера.

Среди этого богатства по особому выделялись разного рода призы и трофеи, напоминавшие о том, что лорд Джон Рокстон – выдающийся охотник и спортивный рекордсмен нашего времени. Прикрепленные на каминной панели, скрещенные под острым углом весла: одно темно-синее, другое вишневого, говорили об участии хозяина в соревнованиях по гребле ежесезонно проводимых в Леанде и Оксфорде. Подвешенные по соседству боксерские перчатки и фехтовальные шпаги указывали на то, что и в этих видах спорта неутомимому рекордсмену удавалось достичь успеха.

Вверху, почти у потолка, по всему периметру стен, напоминая причудливый архитектурный орнамент, были прикреплены охотничьи трофеи в виде массивных голов диких животных, убитых в разных концах света. Эту удивительную выставку венчал экземпляр белого носорога. Будто с презрением оттопырив губу, с отдельной деревянной панели свисала огромная голова, этого редчайшего обитателя широт Ладоского Анклава.

На толстом красном ковре стоял овальный стол с позолоченной каймой в стиле Людовика XV. Его некогда зеркально полированная поверхность черного дерева теперь была варварски осквернена пятнами от бокалов и подстаканников и ожогами от окурков. На столе помещалась серебряная шкатулка для сигар, хрустальный графин с виски и сифон с сельтерской. Хозяин, молча, наполнил бокалы, указал мне на кресло, раскрыл шкатулку и положил передо мной длинную гладкую гавайскую.

Расположившись в кресле напротив, он долго изучал меня своими удивительными, словно задымленными глазами, глазами, излучавшими холодно-голубой свет, словно отраженный в хрустальных водах горного озера. Сквозь сигарный дым я рассматривал знакомые по многим фотографиям черты: резко отчеканенный нос; впалые изможденные щеки; с небольшой проплешиной на темени темно-рыжие волосы; на лихо выдвинутом подбородке аккуратная эспаньолка, завитые кверху гусарские усы. В нем что-то было от Наполеона Шого, от Дон-Кихота и вместе с тем от просвещенного современного англичанина, жителя столицы, не чуравшегося свежего воздуха деревень и лесов, любителя и знатока пород собак и лошадей. Кожу его ровным тоном покрывал глубокий долго выдержанный темно-коричневый загар. Мохнатые черные брови густыми пучками нависали над излучающими холодный свет глазами, отчего общее выражение лица приобретало почти зловещий вид. Впечатление еще усиливалось высо-

ким, изборожденным глубокими морщинами лбом. Худой, но очень крепкого сложения, не смотря на свои шесть с лишним футов, из-за сильной сутулости он казался среднего роста. Таким предстал передо мной сидящий напротив национальный спортивный кумир Англии лорд Джон Рокстон. Покусывая кончик сигары, он откровенно изучал меня своим холодным взглядом. Затянувшееся неловкое для меня молчание, казалось, вовсе не беспокоило его.

– Так-с, – наконец он нарушил тишину. – Не знаю, войдут ли наши имена в историю, но насколько могу судить, мы с вами пока что в нее бесповоротно влипли. Вы со мной согласны, милый юноша?

Он говорил с типичной манерой жителей лондонского квартала Олбани, известной как наречие кокни. Характерным признаком которого является проглатывание отдельных согласных и даже слов. Так от словосочетания «милый юноша» в его произношении осталось лишь «мил – юш».

– Полагаю, что, когда вы входили в актовъй зал института, у вас не было даже представления о том, во что для вас обратится обыкновенная научная лекция?

– Ни малейшего, сэр.

– То же самое произошло и со мной. Вить – ка – байт (Видите как бывает)? В общем, мы с вами попали, как кур во щи. Кто бы мог подумать? Еще и месяца не прошло, как я вернулся из Уганды, – за три недели успел лишь снять в Шотландии дом и подписать акт о найме. Как вам это понравится? С экономической точки зрения мои действия, мягко говоря, непоследовательны. Не так ли? Вас, наверное, тоже предстоящее путешествие выбивает из накатанной колеи?

– Пожалуй, нет. Дальние странствия можно рассматривать как неотъемлемую составляющую моей профессии. Я – штатный журналист, – служу в «Вечерней газете».

– Ну да, ну да. Вы об этом уже сегодня упоминали. Кстати, у меня к вам есть небольшая просьба; если вы, конечно, согласитесь помочь.

– С радостью, если это – в моих силах.

– Но здесь есть некоторый риск, даже, можно сказать, опасность. Как вы на этот счет?

– А какого рода опасность?

– Я говорю о Боллингере. Он и представляет опасность. Надеюсь вам хорошо знакомо это имя?

– Совершенно не знакомо.

– Неужели? *Мил – юш*, на какой планете вы обитаете? В нашей доброй старой державе сэр Джон Боллингер – лучший жокей. В соревнованиях на ровном треке я, пожалуй, могу составить ему некоторую конкуренцию, но в скачке с препятствиями он расправится со мной, как с новичком. Не для кого, увы, не секрет, что в свободное от тренировок время он часто прикладывает к бутылке. Словом, пьет запоями, как говорится, по черному. Он называет это занятие выведением среднего арифметического. Во вторник он впал в белую горячку и с того момента беснуется, как сорок тысяч чертей. Он живет в этом же доме этажом выше. Его комната – как раз над моей. Доктора говорят, что дело плохо. Его обязательно нужно покормить, хотя бы насильно, иначе он попросту умрет от голода. Но сделать это непросто. Он лежит в своей спальне на кровати с заряженным пистолетом в руке, и, когда, кто-то из прислуги постучал к нему в дверь, он истерично завопил, что, если кто-нибудь осмелится войти, то башка наглеца будет продырявлена всеми шестью пулями. Крепкий орешек, ничего не скажешь. Он и в здоровом состоянии – не подарок, а уже в бреде, – сами понимаете. И, как назло, – отличный стрелок; снайпер, можно сказать. В то же время, негоже неоднократного национального чемпиона и лауреата самых престижных призов оставлять на произвол судьбы. Что скажете?

– А что можно сделать?

– Я думаю, что, если мы с вами набросимся, он не успеет среагировать. В самом худшем случае ему удастся в кого-нибудь разок попасть. Ну и что же? Пусть один из нас окажется

даже ранен. Тогда второй завершит операцию. Нужно сдернуть чехол с дивана и покрепче им повязать больного. Потом вызовем медиков, они принудительно его покормят через введенную в пищевод трубку. Таким образом, мы спасем парня. Право, он этого заслуживает.

Дело было явно отчаянное, особенно, если учесть, что к нему я совершенно был не подготовлен. Не могу похвалиться особой храбростью. Мое чисто ирландское воображение всегда представляло даже незначительный риск, как нечто роковое. Здесь же опасность была налицо. Но с другой стороны, если уж представлять меня как труса, то правильно будет назвать главным моим страхом страх обнаружить мою трусость в глазах кого бы то ни было. Так я был воспитан. И, наверное, если бы мне пришлось броситься в пропасть, как, судя по историческим хроникам, подчас приходилось поступать воинственным гуннам, чтобы избежать позорного плена, то я бросился бы не из храбрости и героизма, а из панического нежелания жить с клеймом труса. И потому, изо всех сил скрывал свое малодушие перед визитом к беснующемуся алко-голику-снайперу, самым непринужденным тоном, на какой оказался способен, будто каждый день по несколько раз умиряю страдающих белой горячкой головорезов, я сказал:

– Хорошо, идемте...

Когда же лорд Рокстон, оттягивая наш визит, стал еще больше распространяться о предстоящей опасности, я с некоторой досадой заметил:

– Что толку сейчас в нашей болтовне? Надо – значит надо. Пошли.

Мы поднялись со стульев. Внезапно, широко улыбнувшись, он дружески похлопал меня по спине своей широкой ладонью и опять усадил в кресло.

– Очень хорошо, мой мальчик. Вы – парень, что надо.

Я удивленно уставился на Рокстона.

– Сегодня с утра я сам произвел уже упомянутую процедуру с бедным Джеком Боллингером, – сказал он. – Он лишь продырявил полу моего кимоно. Слава Богу, что его руки тряслись. Как бы там ни было, мне и двоим санитарам удалось облачить его в смирительную рубашку. Доктора обещают в течение недели поставить славного малого на ноги. Вот, так-то, дружок. Между нами говоря, это путешествие в Америку – очень серьезное для нас испытание, и мне хотелось бы иметь в напарниках человека, на которого можно положиться, как на самого себя. Вы уж не взыщите за то, что я позволил себе вас подвергнуть небольшой проверке, которую вы блестяще выдержали. Конечно понятно, что нужно быть готовым к тому, что нам придется постоянно опекать старика Саммерли. Кстати, вы – не тот ли Мелоун, который будет выступать за ирландцев по регби?

– Скорее всего, пока, лишь запасным.

– То-то мне знакомо ваше лицо. Мне понравилась встреча вашей команды с Ричмондом. Лично вы, на мой взгляд, показали несколько великолепных свободных проходок. Я стараюсь не пропускать ваши игры. Сегодня регби, пожалуй, самый мужественный вид спорта. Однако я пригласил вас не для того, чтобы обмениваться спортивными впечатлениями. Давайте немного потолкуем о нашем теперь общем деле... Где-то у меня здесь был последний «Таймс»? Ага, вот. Тут на первой странице есть расписание движения океанских пароходов. В среду на следующей неделе есть рейс до Пары. И если вы и профессор Саммерли будете готовы, мы сможем отправиться на нем. Вас это устраивает? Очень хорошо. С Саммерли я завтра переговорю отдельно. Как у вас обстоят дела с экипировкой?

– Об этом позаботится моя редакция.

– Вы владеете огнестрельным оружием?

– Не лучше, чем рядовой-пехотинец.

– И только-то? Дорогой мой этого явно недостаточно. Да-с, вы, молодые люди, почему-то не придаете стрельбе должного значения. Все вы пчелы без жала. Как же вы будете защищать родной улей, если на него кто-то нападет и из-под вашего носа утащит весь мед? А? Как бы там ни было, человек, отправляясь в Южную Америку, должен быть на «ты» с оружием. Кем бы не

оказался профессор Челленджер: расчетливым мистификатором, сумасбродным фанатиком, или, что, скорее всего, великим ученым первопроходцем, в тех краях, куда мы отправляемся, нам придется пережить многое такое, что в Англии никому и не снилось. Какое у вас ружье?

Не ожидая ответа, он подошел к дубовому шкафу и открыл дверцу. Я увидел ружейные стволы, выстроенные в ряд, что напоминало сверкающие серебром органные трубы.

– Сейчас что-нибудь для вас подыщем из моей батареи, – сказал он.

Он вытаскивал одно за другим ружья, открывал затворы, ими щелкал и затем, заботливо похлопывая и поглаживая, как добрая мать – своих детей, аккуратно ставил на место.

– Видите, этот образец называется Блэнд-577. Надежная вещь, смею уверить. Вот этого красавца я сумел одолеть благодаря ему, – он посмотрел на белого носорога. – Успей он проскочить на десять ярдов ближе, и я сам бы сделался одним из трофеев его коллекции.

*«Кто смел сказать, что сей свинец
Замешан на крови?
Спасенной жизни он – гонец
И радости любви».*

Надеюсь вы знакомы с поэзией Гордона, воспевающего лошадь, ружье и человека понимающего в них толк? А вот – прекрасная штука с телескопической наводкой, модель Блэнд-470. Здесь, между прочим, очень удобное устройство, обеспечивающее выброс отстрелянных гильз с обеих сторон затвора. Прицел, я вам скажу, – отменный. Три года назад мне на пару с этой винтовкой пришлось вступить в схватку с целым полчищем перуанских работорговцев. Бывают в жизни моменты, когда нельзя занимать нейтральную позицию. Иначе навсегда утратишь человеческое достоинство. Я – воитель – одиночка, в союзе лишь с этой безукоризненной старушкой, – он ласково погладил ладонью винтовку снизу цевья, – наводил панику в рядах приверженцев права рабовладения. Вы вероятно удивитесь, но как противники, так и сторонники допотопных законов сошлись в одном, а именно в том, что прозвали меня: «Бич Божий», хотя имя мое не было зафиксировано ни в одной синей книге. Впрочем, это понятно само собой. Иначе я не имел бы возможности сейчас с вами говорить. Итак, я сделался воином-одиночкой: сам начинал военные действия, сам был и командиром и солдатом, сам же и прекращал сражение. Вот эти маленькие отметки на стволе я всякий раз наносил после того, как отправлял на тот свет очередного негодяя. А вот эту, самую большую, я поставил после того, как в прибрежных заводях реки Путомайо выследил и пристрелил главаря работорговцев Педро Лопеса. Так, а вот эта, по-моему, вам будет в самый раз. – Он вытащил из гнезда изящную посеребренную винтовку. – На прикладе – каучуковая подушка, чтобы смягчить отдачу, прекрасный прицел, пяти-патронная обойма. Словом, можете смело доверить свою жизнь этому оружию.

Вручив мне ружье, он закрыл дверцу шкафа на ключ.

– Кстати, – сказал он, опять присаживаясь в кресло. – Что вам известно о профессоре Челленджере?

– До сегодня я с ним не был знаком.

– Точно так же – и я. Скажите, разве не забавно, что мы оба отправляемся в дальнее плавание, полагаясь на указания едва знакомого человека? Насколько я заметил, он – весьма высокомерный, дерзкий субъект, и не пользуется особой симпатией среди своих ученых собратьев. Каким же образом вы с ним повстречались?

Я кратко пересказал мои утренние приключения. Рокстон внимательно слушал, затем разложил на столе большую карту Южной Америки.

– Я думаю, что Челленджер не лжет, – сказал он. – Он говорит чистую правду. У меня есть основания так считать, так как хорошо знаю те места. Южная Америка – моя слабость.

Если, к примеру, проехать ее в длину от Дарьенского Залива до Огненной Земли, то поймешь, что ничего более чудесного в мире быть не может. Эта страна до сих пор для многих остается за семью замками. А что предстоит ей в будущем, – никто не может даже представить. Я исколесил и исходил пешком за три года почти весь континент. Действительно, в самых разных местах мне часто приходилось слышать удивительные легенды. В основном эти рассказы были многовековыми преданиями индейских племен. А знаете, чем лучше узнаешь Южную Америку, тем больше проникаешься убеждением, что в этих краях возможно все. Местные жители населяют в основном узкие прибрежные долины, а чуть подальше начинается обширная terra incognita, где никогда не ступала человеческая нога. Вот, например, тут, – он орудовал сигарой, как указкой, – на возвышенности Манту Гросу, или вот здесь, где сходятся границы трех государств, можно встретить самое невероятное. Как сегодня уже говорил Челленджер, бассейн Амазонки превышает 50 000 квадратных миль. На этой огромной площади расположились непроходимые тропические леса. Гигантские стволы и лианы производят впечатление леса-великана. Впрочем, это – так и есть. Расстояния здесь такие, что, очутись, например, с вами вдвоем в бразильских джунглях, мы бы могли при этом быть друг от друга отдалены дистанцией равной той, что лежит, скажем, между Шотландией и Константинополем. Когда наступают сезоны дождей, уровень воды в Амазонке поднимается по меньшей мере футов на сорок и кругом возникают непролазные топи. В таких краях только и ожидать всевозможных тайн и чудес. Может быть, нам и посчастливится некоторые из них разгадать. Почему бы нет?

К тому же, – лорд Рокстон улыбнулся довольной улыбкой, – там постоянно придется рисковать жизнью, а мне, как закаленному спортсмену, ничего другого и не надо. Я, как старый шар для игры в гольф: белый лак с меня давно облупился, а потому можно не бояться царапин. Риск, опасность и все прочее, *мил – юш*, придает нашей жизни особую прелесть и пикантность. Мы чересчур разбаловались, изнежились, привыкли к городскому комфорту. Честно говорю, сытое, благоустроенное существование – не по мне. Дайте мне оружие, широкий простор, и я отправлюсь на поиски того, что заслуживает быть найденным. Чем только мне не приходилось заниматься: воевал, летал на аэроплане, участвовал в скачках. Но охота на невиданных чудовищ, которые могут лишь привидеться в бреду тропической лихорадки, – это – нечто совсем новое. Не так ли?

Он весело рассмеялся.

Наверное, я чересчур увлекся описанием моего нового знакомого, но нам предстоит много времени провести вместе, и поэтому мне хотелось бы передать мои первые впечатления об этом человеке, как можно шире: не обходя вниманием особенности и нюансы его характера, мышления, речи.

Время однако, близилось к полуночи, а мне еще предстояло отвезти в редакцию отчет о заседании. Лишь эта необходимость в конце концов, заставила меня проститься с лордом Рокстоном. Я пожелал ему доброй ночи, а он все сидел в красноватых лучах заабажуренной лампы, скрупулезно смазывая затвор своего любимого ружья и счастливо улыбался, видимо, раздумывая о предстоящих в скором времени необыкновенных приключениях. В это мгновение я подумал, что если нам придется столкнуться с опасностями, то, пожалуй, во всей Англии мне не найти более храброго и надежного спутника, чем лорд Рокстон. Как ни был я утомлен событиями этого удивительного дня, я еще долго сидел с редактором отдела новостей Мак-Ардлом, подробно объясняя ему ситуацию. В конце беседы он нашел, что принесенная мною информация достаточно интересна, чтобы завтра представить ее главному редактору сэру Джоржу Бомонту. Мы решили, что рассказывать о предстоящих приключениях я буду в форме писем, отправляемых с места событий на имя Мак-Ардила, которые будут по мере их поступления перепечатываться в газете, или в конце всего путешествия, собранные в единый фолиант, выйдут специальным изданием. В этом предстояло еще получить согласие профессора

Челленджера. Нам, ведь, пока не были известны те «оговорки», с которыми он намеревался предоставить нам напутственные указания.

Связавшись с профессором по телефону, мы поначалу не слышали ничего, кроме его обычных эскапад в адрес прессы. Однако, в конце беседы он прибавил, что, если мы ему сообщим рейс, с которым намерены отплыть, то он прибудет в порт перед отправлением корабля и передаст в наше распоряжение сведения, которые он сочтет нужными.

Позвонив вторично, мы вообще не добились никакого ответа, если не считать растерянной просьбы миссис Челленджер не беспокоить ее супруга, так как он и без того рассержен, дальше – некуда.

Ну и, наконец, когда мы позвонили в третий раз, то в трубке раздался непонятный треск, после которого с центральной телефонной станции нам сообщили, что аппарат господина Челленджера сломан; после этого пытаться возобновить связь с профессором уже было бессмысленно.

А теперь мои терпеливые читатели, я больше не имею возможности обращаться непосредственно к вам. Отныне продолжение моего рассказа можно (если, разумеется, оно когда-нибудь до вас дойдет) узнать из материалов «Вечерней газеты».

Я вручаю Мак-Ардлу подробный отчет обо всех событиях, предшествующих одной из самых удивительных в мире экспедиций, и, если я не вернусь, вы сможете, по крайней мере, узнать, как все начиналось. Сейчас дописываю свои заметки в блокноте, находясь в каюте парохода Франциск. Скоро лоцман заберет его с собой и передаст господину Мак-Ардлу. В завершение, пока блокнот еще не закрыт, опишу одну сценку, которая, видимо, останется последним моим воспоминанием о родных берегах.

Поздняя весна. Сырое, туманное утро. Моросит колючий, холодный дождь, вдоль набережной движутся три мужских фигуры в прорезиненных глянцевых макинтошах. Мы направляемся к трапу океанского парохода, на котором уже развивается синий флаг. Впереди носильщик катит вместительную тележку, до отказа забитую чемоданами, тюками, и зачехленными ружьями. Вся долговязая фигура с понурой головой профессора Саммерли выражает уныние. Он движется неуверенно, волоча ноги, словно раскаивается в том, что решил ехать.

Лорд Джон Рокстон шагает твердым, уверенным шагом. На нем – охотничья шапка с козырьком и широкое кашне. Его тонкое подвижное лицо светится восторгом. В отношении меня смело можно утверждать то же самое. Ведь наиболее неприятная часть моего путешествия: предотъездные хлопоты, грусть от расставания с родными и друзьями остались позади. До трапа осталось совсем немного, когда сзади мы услышали мужской голос. Обернувшись, я увидел нас настигавшего профессора Челленджера. Лицо его покраснело. Он тяжело дышал.

– Покорнейше благодарю! – сердито пыхтел он. – Но, совершенно, не намерен лезть на пароход. У меня к вам всего несколько слов. А их можно сказать и здесь. Пожалуйста, не вздумайте только, что я считаю себя чем-то вам обязанным, за то что вы решились отправиться в эту поездку. Имейте в виду, мне – это совершенно безразлично. Истина – всегда истина, и отчеты о ваших наблюдениях никак на нее не повлияют. В лучшем, или, если угодно, худшем случае, они лишь разожгут страсти у малообразованных обывателей. Нужные вам сведения и указания направления находятся в этом конверте. Он, как видите, запечатан. Вскройте его по прибытию в город Манаос на Амазонке, но не раньше того времени, что обозначено на конверте. Тут указан день и час. Взываю к вашей порядочности и надеюсь, что это условие вы исполните в точности. Господин Мелоун, я не намерен больше вас ограничивать в передаче корреспонденции. Ведь целью вашей поездки является правдивое освещение фактов. Однако требую от вас, чтобы вы не указывали точных географических координат местности, в которой окажетесь. И воздержитесь от публикации отчета о вашей экспедиции до возвращения в Англию. Прощайте, сэр. Вам удалось немного смягчить мою неприязнь, к недостойной профессии, пред-

ставителем которой вы, к сожалению, являетесь. Прощайте, лорд Джон. Понимаю, что чисто научная сторона дела, вряд ли вас заинтересует. Думаю, однако, что у вас будет возможность в тех краях прекрасно поохотится. А потом в «Охотничьей газете» появится необыкновенный рассказ о том, как вам удалось подстрелить диморфодона. Прощайте и вы, уважаемый коллега Саммерли. Если ваша натура еще не заостенела настолько, что вы разучились воспринимать новое (честно говоря, в этом как раз у меня есть сомнения), то в Англию вы вернетесь, значительно поумнев!

Выпалив на одном дыхании всю эту тираду, он резко развернулся и зашагал прочь. Минуту спустя, я стоял на палубе и видел, как он торопливо шел к поезду.

Итак, – мы уже в Ла-Манше. Прозвенел колокольчик. Это – сигнал, что нужно отдавать письма лоцману. Сейчас он покинет борт парохода и вернется на берег.

А теперь, как говорится:

«Несись, мой челн, по воле волн!»

Храни нас, Господь! Всех: и тех, кто остался на суше, и тех, кто надеется вернуться домой.

Глава 7

«Завтра уходим в неведомое»

Не буду злоупотреблять вниманием читателей, до которых возможно дойдет мое повествование, подробным описанием путешествия на борту комфортабельного океанского лайнера, не стану также вдаваться в детали нашего недельного пребывания в Паре. Хочу лишь воспользоваться случаем, чтобы принести благодарность компании «Перейра да Пинта», которая помогла нам приобрести и наладить необходимые для нашего предприятия снаряжение. В двух словах расскажу о том, как мы отправились вверх по течению широкой, мутной, неторопливой Амазонки, на пароходе, едва ли уступающем размерами тому, что доставил нас в Америку через Атлантический океан. После нескольких дней пути мы прибыли в город Манаос, за Обидосским рукавом. Здесь нам посчастливилось избежать сомнительных удобств местных гостиниц, благодаря господину Шортману, служащему одной Британо-Бразильской торговой фирмы. Он любезно пригласил нас пожить на его фазенде до срока означенного на нашем конверте-инструкции. До него осталось еще несколько дней. Чтобы скоротать время попытаюсь подробнее охарактеризовать членов нашей команды. Кроме нас троих в нее вошли еще несколько человек, завербованных нами на месте для обслуживания экспедиции. Я описываю все, как есть, ничего не пропуская и не приукрашивая, так как целиком полагаюсь на ваш вкус и чувство такта, уважаемый господин Мак-Арлл. Если найдете нужным, перед публикацией произведете любые правки и сокращения.

Говоря о профессоре Саммерли, не буду перечислять его научные заслуги. Здесь я не смогу поведать читателям ничего нового. Отмечу лишь то, что, приглядевшись к нему повнимательнее, я понял, что этот человек значительно лучше подготовлен к трудной и опасной экспедиции, чем это мне показалось вначале. Его худое подтянутое тело не подвластно усталости, а манера относится ко всему со снисходительной, а подчас и язвительной, иронией не покидает его ни на минуту. Несмотря на свои 67 лет, он – удивительно вынослив. Пока что я ни разу не слышал от него каких-либо брюзжаний на трудности скитальческого быта. Честно говоря, я готовился к тому, что участие в экспедиции старика-ученого подкинет нам много проблем; но теперь обязан признать, что его стойкость и приспособленность к суровой походной жизни ни в чем не уступает моим. По характеру, как я уже упоминал, он – язвительный скептик. Во всяком случае, до настоящего времени Саммерли почти не сомневается в том, что профессор Челленджер нас обманул, – все наше предприятие будет представлять последовательное, к сожалению опасное, разоблачение его шарлатанства, и в конце концов, если нам суждено вернуться в Англию, мы станем объектом насмешек, или, в лучшем случае, снисходительного сочувствия. Кисло улыбаясь и смешно подергивая козлиной бородкой, он неустанно делился с нами печальными размышлениями на эту тему на протяжении всего пути от Саутгемптона до Манаоса. Однако, ступив на твердую почву, он заметно повеселел. Причиной такой перемены оказалось невиданное обилие в этих краях насекомых и птиц. Будучи личностью, без остатка поглощенной страстью к научному познанию, он проводит дни напролет, гоняясь по лесу с ружьем за диковинными пернатыми и с сачком за бабочками, а вечером препарирует трофеи дня. Портрет окажется неполным, если обойду тот факт, что профессору Саммерли совершенно наплевать на свой внешний вид. Не могу припомнить, чтобы он пользовался утюгом или расческой. Крайне рассеянный человек, он много курит, пыхтя длинной пеньковой трубкой. Тяготы скитальческой жизни для него не новость, так как в молодости ему уже приходилось принимать участие в похожих экспедициях под предводительством Робертсона в Папуа.

Лорд Джон Рокстон, будучи кое в чем похожим на профессора Саммерли, представляет ему, однако, по сути полный антипод. Не смотря на то, что он, по меньшей мере, на 20 лет моложе, он так же сухощав и жилист, так же сутул в плечах. Однако за своей внешностью следит

с величайшим вниманием. Его наружность я достаточно подробно описал в записках, оставленных в Лондоне. Он – всегда опрятен и ухожен, предпочитает носить костюмы из белого тика. На ногах – высокие коричневые ботинки с длинной шнуровкой; ежедневно бреется. Человек дела, он не любит многословия, всегда кажется погруженным в какие-то раздумья, но в контакт входит легко и охотно, никогда не переспрашивает, будто не расслышав собеседника; всегда находит какую-нибудь элегантную шутку, чтобы снять ненужное напряжение; обладает истинно энциклопедическими познаниями в географии (особенно Южной Америки), искренне верит в то, что наше путешествие принесет в мир небывалые открытия, на научный скепсис профессора Саммерли не обращает внимания; обладает приятным баритоном и благородными манерами. Однако не исключено, что за внешним спокойствием скрывается неистовый темперамент, способность накаляться до ярости и принимать непреклонные решения, тем более грозные оттого, что лорд Рокстон обычно сдерживает свои чувства. Он не очень много рассказывал о своих прежних посещениях Бразилии и Перу, и потому для меня оказалось неожиданным откровением то, как его принимают аборигены берегов Амазонки. Они взирают на него с беспредельным почтением, почти как на божество, видя в нем защитника их прав; называют рыжеволосым вождем, – о нем уже сложили легенды. Фактическая же сторона его славы такова.

Несколько лет назад лорд Рокстон оказался на, так сказать, нейтральной земле, – территории спорной в отношении государственной принадлежности из-за того, что официальные справочники до сего дня неточно определяют в этих местах границы между Перу, Бразилией и Колумбией. На этом достаточно обширном ничейном участке обильно произрастает каучуковое дерево, принесшее местным жителям не меньше бед, чем каторжный труд на серебряных копях Дарьена во времена испанского засилья.

Группа предприимчивых метисов захватила этот район; посулами, подачками и угрозами склонила на свою сторону некоторое количество индейцев, снабдила их оружием; а остальные были превращены в рабов на каучуковых плантациях. С восхода до заката они рубили деревья и сплавляли стволы вниз по реке до Пары.

Поначалу Джон Рокстон пытался вступить за несчастных, посылая письма хозяину плантации Педро Лопесу. В них он убеждал его ввести послабления потогонного режима и сменить принудительный труд на свободный найм; однако в ответ ничего не добился, кроме оскорблений и угроз. Тогда лорд Джон Рокстон объявил Педро Лопесу самую настоящую войну.

Он собрал под свое начало беглых рабов, снабдил их оружием и начал военные действия, в результате которых плантатор-метис был убит от его пули, а рабство – уничтожено.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что этот рыжий атлет с мягким голосом и аристократичными манерами пользуется на берегах великой американской реки столь громкой славой. Впрочем, слава эта имеет две грани. Насколько освобожденные рабы ему благодарны и, чуть ли его не боготворят, настолько бывшие рабовладельцы ненавидят. За полгода, проведенные в Бразилии, Рокстон прекрасно овладел местным диалектом (не имеющим зафиксированного словаря статуса языка), состоящим из смеси португальских и индейских слов. Как я уже говорил, лорд Джон Рокстон – фантастично влюблен в Южную Америку. Говоря об этом континенте, он настолько увлекается, и этот восторг – настолько заразителен, что даже у такого малосведущего субъекта как я пробуждается интерес научного исследователя. В рассказах лорда Рокстона удивительно сочетаются глубокие фактические познания с образной фантазией талантливого сочинителя. Слушать его – бесконечно интересно. Даже профессор Саммерли, забывая о необходимости иронизировать, увлекается его рассказами. Лорд Джон Рокстон неустанно нас просвещает, сообщая о том, как великая река была исследована первыми европейскими колонистами, сумевшими проплыть ее вдоль от одного края материка до другого. С тех пор много утекло воды, но бесчисленные тайны по-прежнему скрываются за ее широкими постоянно меняющимися очертания берегами.

– Что, например, там? – внезапно восклицает он, показывая на север. – Леса, болота и непроходимые джунгли? А там, на юге? Те же бесконечные дебри и топи, где не ступала нога белого человека. Никто не знает, чего можно ожидать по обе стороны этой сравнительно узкой водной магистрали. Почему не допустить, что в словах Челленджер есть доля правды?

Мне кажется, что лорд Рокстон из желания не досаждать старику Саммерли нарочно смягчает формулировки. Тем не менее, после этих слов старый профессор опять напустил на себя важный вид, исполненный не терпящей возражений иронии, и усиленно пыхтел пеньковой трубкой.

Полагаю, я уже достаточно уделил внимания моим английским компаньонам, более полно вы сможете познакомиться с ними, как, впрочем, и со мной из дальнейшего повествования. Теперь немного расскажу о других людях, которым, возможно придется принимать тоже участие в предстоящих событиях.

Во-первых – это огромный негр по имени Замбо, настоящий черный геркулес: сильный и выносливый, как ломовая лошадь и такой же простодушный. Нам его предложили в одной паровой компании в Паре, где он уже прослужил около двух лет, успев за это время немного освоить английский. Опять же в Паре мы наняли двух метисов: Гомеса и Мануэля. Они пришли сюда на грузовом судне, сопровождая партию красного дерева. Это смуглые бородатые свирепые на вид сорвиголовы, гибкостью и проворством способные потягаться с пантерой. Оба они провели всю жизнь в верховьях великой реки, как раз там, куда мы теперь направляемся, и именно поэтому лорд Джон остановил на них свой выбор. Один из них, Гомес, имеет еще и то преимущество, что хорошо говорит по-английски. Эти люди согласились нам прислуживать: стряпать, грести, – выполнять любую работу за пятнадцать долларов в месяц.

Кроме названных мы также завербовали троих боливийских индейцев из племени мохо, известного среди остальных племен особым искусством в рыбной ловле и гребле. Предводителя этой группы мы так и назвали Мохо, по названию племени. Имя другого – Хозе, а третьего – Фернандо.

Таким образом, вся команда теперь состоит из трех белых, двух метисов, одного негра и трех индейцев. Все мы с нетерпением ждем указанного времени, чтобы вскрыть конверт и, получив инструкции, отправиться в необычный путь.

Прошла неделя томительного ожидания. Наконец настал день и час. Вообразите себе затемненную шторами гостиную на фазенде в Санто-Манаоса. Сквозь открытую на веранду дверь виден залитый ослепительным полуденным солнцем сад. Короткие тени вырисованы такими же четкими контурами, как и сами деревья. Ветра нет. Только жужжат пчелы, и на немыслимо высокой ноте, почти на ультразвуке свистят москиты. Сад окружен живой оградой из кактусов. К ним почти вплоты примыкают кусты роз. Над розами порхают разноцветные бабочки, и дрожит, переливаясь в солнечных лучах неказистым оперением, зависнув как стрекоза, крошечная колибри.

Мы сидели в гостиной за плетеным столом. На столе – запечатанный конверт. На нем колючим почерком Челленджера значилось:

*«Инструкция лорду Джону Рокстону и его компаньонам.
Открыть в Манаосе 15-го в 12–00».*

Лорд Джон положил перед собой часы.

– Еще – семь минут, – сказал он. – Наш старик – на редкость пунктуален.

Криво усмехнувшись профессор Саммерли взял своей тощей рукой конверт.

– Какая, собственно, разница: сейчас, или через семь минут? – сказал профессор. – Просто удивительно, что, находясь за несколько тысяч миль от Лондона, мы все еще пребываем под гипнозом этого ученого шамана.

– Как бы там ни было, мы дали обещание и обязаны не нарушать правил игры, – возразил лорд Джон. – Командующий парадом Челленджер, и мы все здесь, – лишь по его милости. Потому будет просто непорядочно, если мы не исполним нашего договора в точности.

– Это – уже черт знает что! – горько простонал Саммерли. – Мне уже тогда в Английском порту этот конверт показался какой-то издевкой. Он играет с нами, как вожатый со скаутами, а мы, не моргнув глазом, все сносим. И чем дальше, тем хуже. Не знаю, что за реликвия хранится в этом письме. Но если здесь не окажется точно указанных координат, я первым же речным пароходом возвращусь в Пару и, судя по всему, еще успею попасть на «Боливию». Мне больше нечего делать, как, очертя голову, мотаться за тридевять земель лишь с тем, чтобы вывести на чистую воду шарлатана или лунатика. Ну, что там со временем, господин Рокстон?

– Пора. Время истекло, – отозвался лорд Джон. – Труба зовет.

Он взял конверт и вскрыл его перочинным ножом. На стол выпал сложенный вдвое лист. Он его аккуратно развернул и расстелил на столе.

Это была высшесортная, слегка вошенная почтовая бумага.

Однако – совершенно чистая. Он перевернул лист. И на оборотной стороне ничего не оказалось.

Мы очумело уставились друг на друга. Молчание нарушил взрыв злорадного смеха профессора Саммерли.

– Ну, что еще вам нужно? Это же – чистосердечное признание. Хоть на этом ему спасибо. Однако, с меня – довольно. Мы немедленно возвращаемся и публично заявляем, что профессор Челленджер отъявленный лжец. Это, к сожалению, – единственное достоверное открытие, которое нам удалось совершить.

– А может быть, здесь – чернила, проявляющиеся в молоке? – сморозил я наобум.

– Не похоже, – сказал лорд Рокстон, держа листок на свет. – Нет, *мил мо юш*, не будем себя обманывать. Могу биться об заклад, что на этом листе ничего нет и не было.

– Могу я войти? – Пробасил чей-то голос с веранды, и в залитом солнцем дверном проеме появилась коренастая фигура. Этот голос, эта косая сажень в плечах. Мы все как один в изумлении вскочили со стульев, а Челленджер, в юношеской соломенной шляпе с цветной ленточкой в парусиновых полуботинках, заложив руки в карманы пиджака, выпятив бороду, предстал перед нами во всей красе.

– Вот незадача. Все-таки на две минуты опоздал, – сказал он, сверяя время с жилетными часами. – Уважаемые господа, обязан признаться, что, когда вручал вам конверт, я ни на миг не сомневался в том, что успею вас настигнуть раньше установленного на конверте времени, и потому вам не придется его вскрывать. Однако получилась непредвиденная задержка из-за парагвайского болвана лоцмана, ухитрившегося посадить наш пароход на расстоянии тридцати миль от берега.

Внезапно Челленджер улыбнулся:

– Полагаю, мое опоздание дало коллеге Саммерли возможность отвести душу, употребив пару элементов в мой адрес?

– Обязан вам сказать, сэр, – официальным тоном заговорил лорд Джон, – что ваше прибытие, как нельзя, – кстати, так как наша кампания уже готова была свернуться, не успев начаться. Честно говоря, я и сейчас не понимаю, почему вы решили появиться столь странным образом?

Широко разведя носки, Челленджер сделал несколько шагов, пожал руки мне и лорду Рокстону и, отвесив церемонно холодный поклон Саммерли, плюхнулся в плетеное кресло, заскрипевшее под его тяжестью.

– Ну как, все у нас готово, чтобы отправиться в путь? – спросил он.

– Да. Можем, хоть завтра, – ответил лорд Рокстон.

– Прекрасно. Так и поступим. Нам не понадобится никаких инструкций, карт и прочих ориентиров, так как я сам поведу экспедицию. Извольте, господа, это оценить. Я с самого

начала намеривался в этом путешествии взять на себя обязанности предводителя, так как никакая самая подробная карта не сможет заменить моего личного участия и совета. Теперь, – что касается этой маленькой хитрости, к которой мне пришлось прибегнуть (я говорю о пустом конверте).

Могу лишь сказать, что поступил так потому, что, узнай вы о моем намерении раньше, вы вероятно приняли бы настаивать на нашей совместной поездке еще от берегов Англии, а мне бы пришлось отказываться, потому что я должен был срочно закончить реферат по беспозвоночным. Наука, сами понимаете, – превыше всего.

– Не знаю, как от других, а от меня вы бы не дождались специального приглашения, милостивый государь! – запальчиво бросил Саммерли, – разве что, во всем атлантическом пароходстве не нашлось бы другого судна.

Челленджер, совершенно не обратив внимания на эту колкость, заговорил со спокойной уверенностью человека, отстаивающего несомненную истину.

– Простой здравый смысл должен вам подсказать, что я поступил наилучшим образом, появившись перед самым выходом экспедиции, – именно тогда, когда я вам действительно нужен. Час настал. Вы – в надежных руках; теперь не собьетесь с пути и обязательно дойдете до цели. С настоящего момента экспедицией руковожу я. Итак, первое, что нам предстоит сделать: в течение ночи полностью закончить подготовку и укладку снаряжения и провизии. Мы должны выйти рано поутру. Для меня дорого время, господа. Полагаю, что для вас оно – тоже дорого (хотя и в меньшей степени, чем для меня), и потому предлагаю, чтобы мы двигались, как можно меньше теряя времени, пока не доберемся до тех мест, где я смогу показать вам то, ради чего вас сюда пригласил.

Лорд Джон Рокстон зафрахтовал довольно крупный пароход «Эсмеральда», на котором мы с восходом солнца отправились вверх по течению. В этих широтах неважно время года. Круглогодичные температурные колебания не превышают амплитуды в 15 делений: внизу 75 иверху 90 (К). Что летом, что зимой, – примерно одна и та же жара. Другое дело – осадки.

С декабря по май идут обильные дожди. Уровень воды в реке поднимается, достигая в конце сезона 40 футов над исходной отметкой. Река затопляет берега, на огромной территории образует влажные лагуны и формирует огромное пространство заполняемое так называемым Гапо, по которому трудно передвигаться пешком, так как оно – слишком вязко; а на лодке плыть по таким местам тоже невозможно, так как для лодки здесь слишком мелко. К счастью, в июне, вода начинает убывать, и к ноябрю – декабрю достигает самой низкой отметки.

Наша экспедиция, начавшись в середине июля, должна проходить в разгар сухого сезона, когда большая река и ее притоки находятся, как говорится «в разумных пределах».

Течение Амазонки – очень слабое, уклон русла не превышает восьми дюймов на одну милю. Вряд ли есть на свете другая река, столь удобная для навигации. Из-за преобладания юго-восточных ветров парусники, легко преодолевая течение, добираются до перуанской границы, а в обратном направлении идут по течению. В нашем случае дело обстояло еще проще: отличные паровые двигатели несли «Эсмеральду» вверх, будто мы плыли по спокойной глади озера. На протяжении трех дней мы шли в северо-западном направлении вверх по руслу, которое даже здесь за тысячу миль от низовья было настолько широко, что с парохода идущего по фарватеру трудно увидеть берега. На четвертый день пути мы свернули в приток, который в месте слияния имел почти такую же ширину, как главная река. Но затем он быстро стал сужаться, и еще через два дня мы прибыли в какую-то индейскую деревню. Здесь профессор высадил экспедицию на берег, а «Эсмеральду» отправил обратно в Манаос. Он объяснил, что скоро пойдут пороги, и катером мы больше пользоваться не сможем. Он так же сообщил, что мы вплотную приблизились к границам неизведанной страны, куда и лежит наш путь, и, что, чем меньше случайных людей будет посвящено в наш маршрут, тем лучше. От каждого из нас он заручился обещанием, что мы не разгласим устно и не опубликуем в печати точных коор-

динат местности, куда идет наша экспедиция, а всех слуг заставил принести торжественную клятву в хранении тайны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.